

МЕЧНИК ОКО ПЕРУНА

Вадим ДОЛГОВ

Русь изначальная

Вадим Долгов

Мечник. Око Перуна

«Яуза»

2014

Долгов В. В.

Мечник. Око Перуна / В. В. Долгов — «Яуза», 2014 — (Русь
изначальная)

Он с отрочества готовился к службе в княжеской дружине – и осуществил свою мечту, став мечником Ярослава Мудрого. Но знал бы он, какую цену придется заплатить за эту честь и любовь юной княжны! Ведь человеческая жизнь – жертвенная пешка в игре богов, более жестокой и кровавой, чем любая игра престолов. И горе смертному, обратившему на себя взор беспощадного Ока Перуна!..**НОВЫЙ** роман о переломной эпохе Древней Руси. Ярослав Мудрый огнем и мечом усмиряет мятежные племена, новая христианская вера идет войной против древних богов, и тонет в крови языческий град Китеж...

© Долгов В. В., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

От автора	5
Азь	6
Буки	9
Веди	11
Глаголь	14
Добро	16
Есть	21
Живете	24
Зело	26
Земля	28
Иже	31
И	36
Како	40
Люди	46
Мыслете	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Вадим Долгов

Мечник. Око Перуна

От автора

Тысяча лет тому назад. Одиннадцатый век. В Киеве правит славный русский князь Ярослав, названный Нестором-летописцем Премудрым. Центр современной России населяют племена вятичей и кривичей. Эти места считались тогда окраиной русских земель, медвежьим углом. На тысячи верст простиралась дремучие дебри, тысячи речек несли воды в Оку и Волгу. Южане именовали эту страну Залесским краем.

Долгое время бурные ветры перемен обходили Залесье стороной. Но и здесь подчас разыгрывались истинные трагедии, ускользавшие, однако, от внимания киевских и новгородских летописцев, сосредоточенных на описании важных столичных событий. Обитатели этих мест дольше других хранили верность прадедовским обычаям и вере.

Но навсегда укрыться от веяний времени не удавалось еще никому.

Это ненаписанная история. История, буквы которой так и не были собраны в летописи.

АЗЪ

Сосновый плот, медленно поворачиваясь, плыл в утренней дымке. Под намокшими бревнами журчала вода. Кормовое весло оставляло на глади лесной речки вихрящийся след. На плоту, свернувшись клубком, лежал парнишка лет тринадцати. Лицо его было прикрыто войлочным колпачком, босые ноги зябко поджаты. Солнце еще не встало, холодок июньского утра заставлял Доброшку (так звали юного кормчего, единственного обитателя плота) сильнее сжиматься под куцей рогожкой, заменявшей ему одеяло.

Вдруг плот зацепился за корягу, раздался всплеск. Мальчишка чуть не слетел в воду, встрепенулся, сел и принялся недоуменно оглядываться вокруг. Но замешательство длилось всего секунду.

Он вспомнил вечер вчерашнего дня. Вспомнил мостки у родного Летославца, по которым он, крадучись в непроглядной тьме, спускался к реке. Вспомнил, как грузил на плот то, что удалось собрать в дорогу. Вспомнил, как непослушными от волнения руками развязывал намертво скрученный узел.

Доброшкина мысль сделала рывок – он на четвереньках принялся метаться по плоту. Наконец из-под берестяного покрова на свет божий появилась котомка, перевязанная тонким ремешком. Успокоившись, паренек сел на край плота, опустил ноги в теплую воду и аккуратно распутал завязки.

В котомке было много интересного – подготовка к побегу была обстоятельной и долгой. Прежде всего, конечно, еда – кусок пшеничного хлеба, в который Доброшка тут же впился зубами, потом – выторгованный за пригоршню соли кусок вяленой конины, две головки лука и соль – примерно полмешочка. Помимо еды поклажу составляли иголка с ниткой, три костяных крючка для рыбной ловли, две запасные тетивы к луку, небольшой, но остро отточенный нож, выкованный из обломка меча, найденного им на дне пересохшего ручья (в оплату он отдал кузнецу остатки железа) и еще одна вещица. Именно из-за нее начинающий странник и начал перебирать свои пожитки. Именно ее он берег пуще всего и больше всего боялся потерять.

Выглядел он обычно: кусок кожи (правда, хорошей, гладкой и белой), свернутый в тугую трубочку и обернутый тряпицей. Если трубочку развернуть, на лицевой стороне пергамента открывались буквы и рисунки, которые на первый взгляд могли показаться всего лишь затейливым узором или пятнами крови. Но так мог подумать только какой-нибудь невежда.

А Доброшка невеждой не был. Недаром он с семи лет ходил за десять верст в монастырь к учителю – седенькому монаху Максиму, который не только выучил его читать и считать аж до ста, но рассказывал ему о дальних странах, где и зимой жарко греет солнышко, бегают петухи размером с коня, люди все черны, а земля, наоборот, бела.

И не только рассказывал, но и в книгах старых показывал рисунки: и дельфина показывал, и велиблуда, и странное эфиопское существо, слона, у которого два хвоста – один, как полагается, сзади, а другой спереди – прям на морде, и много разных других чудес. И вот там-то, в ларе, где хранились древние книги в тяжелых деревянных переплетах, Доброшка однажды и заметил тряпичный сверточек.

– Максим, а это что? – спросил он, выхватив непонятный предмет из огромного сундука.

Монах, похоже, и сам не сразу понял, откуда в его келье взялась эта штука. Но, приглядевшись, пощурив старые глаза, усмехнулся, взял из рук ученика сверток, снял тряпицу и бережно развернул пергамент.

– Это, дружок Константин (монах всегда называл его не обычным, а крестильным именем), карта, описание Земли, где какие страны расположены, реки, моря, океан... Вот Эфиопия – помнишь, я тебе рассказывал? Вот здесь британцы живут. А вот тут, с краю, видишь, написано: «рай» – там сад Эдемский. Туда праведники попадают по воле Божьей...

Хорошо было. А теперь еще лучше. Доброшка оттолкнулся длинной жердиной, и плот медленно заскользил по течению дальше. Путь ему лежал далекий. И карту он взял у из монастырского книжного ларя не просто так. Цель-то была поставлена запредельная – волшебная страна Индия. Но да нее доплыть-то – как? А по карте – может, и получится добраться.

В Индии правит славный царь. И богатств у него немерено, и чудеса разные: змеи огнедышащие, повозки небесные. Все есть. С одним только царь индийский мается: люди в его стране живут все какие-то ненастоящие. У одних головы песьи, у других голов вовсе нет, а рты на животе. Так отец Максим рассказывал. Он, правда, сам в Индии не был. Но в древних книгах все очень подробно описано.

Вот и решил тогда уже Доброшка, что, как вырастет, непременно отправится к индийскому царю. Небось его-то, такого ловкого и умного, индийский царь с радостью на службу возьмет. У него там молодцов-то настоящих большая нехватка. Станет он царю служить верой и правдой, тот его наградит. Златом, серебром и драгоценными камнями. Накупит тогда подарков и вернется славным воином, красивым, богатым, в родной Летославль. Матушке подарков привезет, отцу меч индийский привезет и броню – пусть не хуже воеводы на коне сияет. Старшему брату – а-а-а, чего уж жалеть, тоже меч! Два меча привезет: небось не поскупится для него царь индийский. А младшим сестричками и братишкам припасет по прянику. Ну и была мыслишка Уляшке, дочери воеводиной, яхонт лазоревый подарить. В бусиках. Или на колечке. Неважно... но так, что б обомлела она. Вот!

Через годик-другой собирался пуститься в путь. Но вышло не по задуманному. Раньше. Да и меч индийский теперь только один нужен... Эхх...

Над верхушками прибрежных сосен медленно вставало жаркое летнее солнце. Легкий ветерок чуть трогал гладь реки легкой зыбью. Доброшка вытащил из котомки крючок, разматал тонкую жилку, накрепко связал, привязал еще камешек-грузило, насадил на крючок комочек хлебного мякиша, уселся на корме и забросил снасть в воду: припасы, конечно, есть, но до ближайшего города может и не хватить... Жилка без всплеска ушла под воду. Почесав в затылке, пустил еще кусочек по течению – водяному, чтобы рыбку к рыбаку подгонял. А потом еще небольшой кусочек – за проход плата. Хоть речка и мирная, но и тут, поди, свой хозяин есть. Тоже чести хочет. Больше бы дал, да самому не хватает – уж извини, водный дед.

В доме у Доброшки голода не знали. Отец их был родом из-под Новгорода. Его вместе с воеводой в окраинный Летославец оборонять землю от разных напастей отправил князь Ярослав уж семнадцать лет тому назад. Отец тогда еще совсем молодой был. Приехали они, город новый срубили, церковь поставили, гридницу. Обстроились на славу, пашню новую распахали – так и остался он тут навсегда. Воеводу того, что привел их на берег Летоши, уж давно князь с собой забрал (и, слышали, погиб он от печенегов). Нынешний по счету был уже третьим. Да и из начальной дружины осталось всего четверо. Отец его – самый старший. И хоть воеводой он так и не стал (далеко от князя был, некому было службу оценить), но в Летославце ходил в больших людях – был сотником.

Однажды не повезло и ему. Напала на землю лесная разбойничья ватага. Люди стали в город сбегаться – защиты просить. Дружина исполнилась – пошли по лесам безобразников разыскивать. Разыскали, конечно. Кого порубили, кто ушел. Но отцу «подарочек» от них достался на старости лет – стрела в правое плечо. Сначала он и не заметил. А потом разболелась рука, онемела. Из раны долго гной сочился. Боятся стали, как бы совсем не угас. Но отыскали травника хорошего. Залечил он рану, гной унял. Но все-таки руку обратно вернуть не смог. Пальцы немного шевелились, а замахнуться, тем более вдарить – никак. Значит, отвоевался. Потосковал отец по прежней жизни, но уж не вернешь. Благо старший сын уже в возраст вошел – пятнадцать лет. Самое время в дружину входить. Да и жениться тоже. Ну, с женитьбой старшой пока не спешил, а в службу вошел быстро. И стал в семье вроде бы как второй отец. Доброшка тоже отчаянно просился (хоть в отроки наименьшие, хоть стрелы строгать). Стрелы

строгать ему разрешили, а в отроки не взяли – сказали, мал еще. Вот он и решил попытать счастья на стороне. Как все храбрецы всегда делали. Батюшка как-то рассказывал, что деды ему сказывали – о Кукше из Домовичей. Напали уж тому лет сто или двести на приморский поселок урмане, увезли Кукшу далеко. Но он не пропал, а наоборот – наибольшим стал среди урман. Но здесь, в Летославле, урман не видели ни разу. Да и моря никакого нет. Так что теперь, сидеть за печкой и удачи дожидаться? Нет! И начал Доброшка готовиться к дальнему пути. На все ушло два месяца. Пока плот делал, снедь собирал. Тут и лето настало. И Доброшка решился.

Родителям, понятно, ничего не сказал. Но чтобы не волновались, только сестренке самой маленькой свою тайну поведал и строго наказал не рассказывать до утра. Проследил, чтобы уснула, и незаметно выбрался с сеновала на двор, оттуда на улицу – и тихонечко пробрался к реке...

Буки

Харальд-конунг был молод и зол. И, несмотря на все приключившиеся с ним напасти, – весел. Воспоминание о поражении, постигшем его в Норвегии, иной раз омрачало светлое чело. Да и рана еще сильно ныла. Но юный конунг, которому едва минуло шестнадцать лет, не мог поддаваться унынию долго. Это недостойно викинга, недостойно конунга. Да, теперь он конунг без страны. В милой его сердцу Норвегии хозяйничали даны, но месть – это блюдо, которое следует подавать холодным. Будет еще время – враги расплатятся за все сполна. А пока его владения – это море и все страны вокруг него. Дружина храбра, броня крепка, и боевые драккары быстры. Весь мир лежал перед ним. Серебра, правда, маловато. Но если есть меч, то будет и серебро, и золото, и красавицы. Теперь путь его лежал на восход солнца – в Гардарики, Страну городов, на Русь, где правил славный Ярицлейв-конунг.

О Ярицлейве-конунге шла добрая молва. Богат и славен: недаром сами русы зовут его Ярославом Мудрым.

Харальд не сомневался, что русский конунг примет его с удовольствием: заполучить в союзники норвежскую дружину рад был любой сухопутный владыка. Все-таки любой викинг стоит двух обычных бойцов. С детства каждый из них владеет боевым топором и мечом так же уверенно, как обжора – ложкой. Жизнь викинга – от битвы к битве. А между ними не легче: битва с морем – неутомимая гребля. Рука любого гребца-воина похожа на клубок сосновых корней: кажется иной раз, что и мечом не сразу перерубишь. Для натруженной веслом руки тяжелый меч – как тростиночка. Помахать им после однообразных дней и ночей морского перехода – сплошное удовольствие. Ну а если противник все-таки окажется сильнее (нет, конечно же, сильнее викинга никого нет, но против толпы иной раз не спасут ни мощь рук, ни умение), ну так если противник окажется сильнее – это тоже не беда. Это даже счастье. Каждый дружинник Харальда-конунга знает: погибнуть с мечом в руках – большая удача.

Душу погибшего воина принимают прекрасные девы войны – валькирии, которые носятся над любой мало-мальски кровавой битвой. Живому их не увидеть, а вот мертвому... Говорят, они неизъяснимо прекрасны. Хотя, конечно, те, кто их увидел, ничего уже путем рассказать не могут. Но все равно идет молва. И еще сам Харальд собственными глазами видел, как у умирающего, мечущегося в агонии перед самым последним вздохом, вдруг поразительным образом поднялся тайный уд. Стоявший рядом старый вояка Сигурд, указав Харальду на это, одобрительно вздохнул: «увидел валькирию...» – и мозолистой рукой опустил испутившему последний вздох воину веки.

Сам Харальд тоже хотел увидеть валькирию. Но только не сейчас, а тогда, когда даны пожалеют, что родились на свет. Да и с самим Одином он тоже намерен был свести тесную дружбу. Хоть и принято было уже святое крещение, но куда мог деться мир прадедовских богов? Как настанет время, Харальд был твердо намерен наведаться в пиршественный чертог к конунгу конунгов. Там за вечно обильным столом найдет он и своего дела, и прадеда, и прапрадеда. Юный викинг нисколько не сомневался, что все они там – у Одина на пиру...

Впрочем, сейчас день, значит, еще пока не на пиру. Днем в небесной стране Асгарде не затихает битва. Мужчины, как подобает, сражаются насмерть. Но вечером все воскреснут и войдут в золотой зал Вальхаллы – и вот тогда в самом деле будет пир. А на следующий день – опять битва. Сразился, погиб – на пир, сразился, погиб – на пир: романтика!

А еще Харальду хотелось повстречаться со своим славным тезкой Харальдом Косматым. Интересно, кто из них на мечах лучше.

Драккар летел вперед, на восток. Весла мерно опускались в холодную балтийскую воду. Ветер был попутный, поэтому для облегчения труда гребцов поставили парус.

Еще день или чуть больше, и покажутся топкие берега восточного берега моря, которое русы не зря именовали Варяжским.

Вдруг Харальд заприметил на горизонте маленькую точку. Современный человек, пожалуй, не заметил бы ее и в бинокль, но глаз морского конунга был острейшим.

– Посмотри-ка, Эйнар, туда, – Харальд тронул за плечо седоволосого викинга и указал на часть горизонта, справа по ходу движения.

– Корабль.

– Да.

– Даны?

– Вряд ли.

– Проверим.

– А стоит ли, так хорошо идем по ветру?

– Стареешь, Эйнар. – Харальд ловко соскочил с помоста на корме, служившего ему наблюдательным пунктом. Побежал вдоль рядов боевых товарищей, энергично отдавая приказы.

Через минуту боевое судно совершило правый поворот, парус был спущен. Пока двое спускали парус, остальные надевали кольчуги и шлемы, высвобождали из рундуков любимое оружие: кто меч, кто боевую секиру. Были на корабле и несколько человек – умелых стрелков из лука. Еще через минуту одоспешенный драккар уже мчался к малой точке на морском окоеме. Соленые холодные брызги летели из-под весел. Холодное синее небо отражалось в холодных глазах изготовившихся к бою норвежцев.

Веди

Жилка затрепетала: Борошка (так его звал отец и друзья) ловко втянул из речной глубины трепыхающуюся серебряную рыбку и деловито засунул ее в мешок, а то гляди – уплывет. Снова насадил мятый мякиш и забросил снасть.

Да, Индия – это было настоящее дело. В былые-то времена хотел отрок к новгородскому князю податься. Да обсмеяли его дружинники: таких-де молодцов у Ярослава пруд пруди, и почище есть: даже княжичи из-за моря Варяжского служат – не сыну летославского сотника чета... Разве что горшки помойные таскать. Таскать горшки (любые, хоть помойные, хоть с кашей) Доброшка не собирался. Он сын свободного мужа, да еще и сотника: ему воевать полагается, а не чепухой при дворе, пусть и княжеском, заниматься. К индийскому царю поедет, воеводой станет! И пусть умолкнут те, кто думает иначе!

Меж тем снова натянулась жилка и на сырых бревнах плота оказалась еще одна рыбка – и крупенькая. Можно было жарить. Доброшка, прибрав и вторую рыбку, сильно загреб кормовым веслом и направил плот к берегу. Приблизились тяжелые еловые ветви, касавшиеся водной глади, бревна чиркнули по светлому песочку дна – плот встал. Доброшка осторожно ступил на дно и отправился к берегу, перешагивая павшие под напором незаметного, но сильного течения стволы.

Несколько ударов кресала по кремню – и вот у подножия вековой сосны заиграл маленький костерок. Доброшка устроил рогульки, установил на них пойманных рыбок и стал осматриваться. Вокруг был густой лес. Он расположился на полянке, посреди которой возвышалась огромная сосна толщиной в два обхвата взрослого человека. Доброшка проследил глазами по стволу и радостно вскрикнул: на небольшой высоте от земли в стволе чернело дупло, в котором, по всем приметам, жили пчелы. «А пчелы – это мед, – вполне резонно рассудил опытный в хозяйственных делах сын сотника, – пригодится!» Засучив рукава и поплевав на ладони, Доброшка полез на дерево. В дупле и впрямь оказался улей. Спрыгнув на землю, он заложил за пояс нож и полез снова, но стоило ему заглянуть в дупло, как его что-то весьма чувствительно кольнуло в спину, в самый почти ее низ. Доброшка замер и через мгновение понял, что этот укол не был укусом слепня, да и острой ветке там взяться было неоткуда. Между тем колело все сильнее, и Доброшка нехотя обернулся.

Оправдалось самое худшее предположение – зависший на дереве, снизу он был приперт к стволу небольшим копьцом. Копьецо, которое в отцовской дружине называлось сулицей и использовалось по большей части для метания, крепко держала в руках – вот чудо! – невысокая девчушка в длинной льняной рубахе. Вид ее был и смешной и грозный одновременно. То есть вид был бы смешной, если бы Доброшка смотрел на нее со стороны. В настоящем его положении смешного было мало.

– Ты чего это? – спросил он, опасливо поглядывая вниз через плечо.

– Вот дает! – донесся снизу звонкий девичий голос. – Рыбы в нашей реке наловил, борть нашу разорить задумал, на дереве висит – и еще спрашивает: «чего»! Сейчас вот поднажму – узнаешь «чего». Сейчас вот дядьку своего крикну – он тебе покажет «чего»!

Положение было никчемным. Висеть на дереве становилось все трудней. Но и насаживаться в самом начале пути на острие сулицы – да и еще чьей, девчачьей! – было как-то совсем нежелательно. Хорош храбр, нечего сказать...

– А может, отпустишь, эй, девчонка? – взмолился Доброшка. – В борть-то я не залез пока, а рыбу себе возьми.

– Какая я тебе «девчонка»? – донеслось снизу. – Я, если хочешь знать, княжна! И ты мой пленник теперь.

Доброшка еще раз взглянул на девочку внизу: «Ага, как же, княжна, – подумал он, – одна в лесу с копьём, да еще в простой рубахе». Если бы острое копьёца по-прежнему не упиралось ему в тело, он бы, пожалуй, сказал это вслух, но тут, конечно, поостерегся – мало ли чего...

– Ну ладно, пленник. А долго мне тут висеть?

– Сам залез, а меня спрашивает.

– Убери копьёцо!

– Не уберу!

– Ну, зови дядьку своего...

– Сама знаю, что делать, ишь, борть разоряет – и еще советует!

Судя по всему, девчонка и в самом деле не знала, что дальше-то делать. Отпускать «добра молодца» она не собиралась. Но как безопасно дать ему спуститься – тоже не знала.

Неизвестно, чем бы кончилось дело, но тут из улья послышалось глухое гудение – пчелы почувствовали недоброе и решили, пока не поздно, отвадить чужаков. Сначала одна, две, а потом и чуть не целый рой взвился над дуплом, и одна самая храбрая или самая злая пчела с разгона ткнула Доброшку в шею. Он взмахнул рукой и кубарем слетел вниз, оцарапав себе спину наконечником копья, но в остальном целый и невредимый. Пчелы меж тем озверели окончательно и кинулись всем роем не только на похитителя меда, но и на свою «законную хозяйку» с копьём. Пчелы, как известно, не собаки – они над собой хозяев не признают. И ни копьёцо, ни меч, ни топор от них не спасение...

Оба – и Доброшка, и его внезапная собеседница – со всех ног, не разбирая дороги, бросились наутек – прямо через бурелом. Ветки хлестали по лицу, босые ноги бились о корни и шишки, но Доброшка летел как на крыльях. Так быстро он отроду не бегал. Довольно скоро ноги вынесли его на большую чистую поляну, с которой была видна река. Пчелы отстали. И девчонка с копьём, кстати, тоже. Можно было возвращаться к плоту. И дальше – в Индию.

Но тут Доброшку одолела смутная тревога: куда могла деться девчонка? Сначала они бежали почти рядом. Потом она будто вскрикнула. Мельком в суматохе бега подумал: на шишку наступила... Нужно пойти посмотреть.

Осторожно ступая и раздвигая ветки, медленно двинулся в обратный путь. И уже шагов через сто увидел то, что, в общем-то, и ожидал в глубине души увидеть: «воительница» сидела на земле, лицо ее было бледно до зелени, в глазах стояли слезы. Доброшка остановился на почтительном удалении – в руках у нее по-прежнему было копьё, не выпустила даже в суматохе бегства.

– Что, зашиблась?

– Не твое дело, – донеслось в ответ, – не подходи!

– Да не подхожу я... как домой-то добираться будешь?

– Уж как-нибудь доберусь, у бортного татя помощи не попрошу!

– Да я не тать! Не видел я, что борть меченая, а то бы не полез.

– Ну-ну, ври-ври, – ответила девица уже совсем не громко и не звонко. Боль брала свое, и сознание готово было погаснуть.

«Вот упорная какая», – подумал Доброшка. Косясь на копьёцо, он осторожно подошел к девчонке и присел рядом. Теперь он видел, что добраться домой ей будет непросто. Нога в кожаном мягком сапожке была вся в крови.

– Ты говорила, у тебя дядька рядом, может, покличем?

Девчонка вскинула на паренька взгляд и из последних сил разрыдалась.

– Это я для страху сказала, что дядька со мной. Тебя напугать хотела. Одна я! – И слезы наконец брызнули из глаз.

– Не реви, доставлю тебя домой. Обожди немного. Меня брат немного учил, как раны лечить. Но нужно потерпеть.

Доброшка достал из-за пояса нож, увидев испуганный взгляд своей спутницы, усмехнулся, срезал несколько коротких крепких веток, примотал к больной ноге пояском. Потом, нарубив тем же ножом ветви подлиньше, устроил из них что-то вроде волокуш и погрузил на них девчущку. Она кривилась от боли, но больше не ревела и держалось на загляденье мужественно.

– Ну, куда едем?

Девчонка, махнула рукой: «Туда».

Глаголь

Драккар стремительно летел по синеющей глади моря. Точка на горизонте постепенно увеличивалась. Через некоторое время стало видно, что это небольшое судно, неспешно шедшее под парусом в восточном направлении.

– Ты прав, Эйнар, это не даны, – сказал Харальд, вглядываясь в даль из-под козырьком поставленной ладони, – я не могу понять, что это за люди, лодочка у них странная.

Старый Эйнар без особого любопытства повернулся в том направлении, куда смотрел Харальд, и доселе спокойное лицо стало медленно вытягиваться.

– Что с тобой, Эйнар? Ты будто увидел хвост морского дракона.

Седобородый викинг не отвечал и лишь хлопал белесыми ресницами.

– Э, да что с тобой, друг?! – Харальд хлопнул товарища по плечу.

– Такое дело... – Эйнар наконец вышел из оцепенения, но с ответом по-прежнему тянул.

И вот наконец, после еще нескольких мгновений изумленного молчания, сказал:

– Да, Харальд, я удивлен. Я видел такие корабли только у греков. Ошибки быть не может – я достаточно рассмотрел. Но как их сюда занесло и что они тут делают?

– Ой, Эйнар, ты точно стареешь. Какая разница, как занесло? Главное, что греки – это всегда добыча! Мы специально ходим за ними в южные моря. А тут они сами к нам пожаловали, да еще без охраны. Добыча сама бежит к нам в руки, Эйнар-хевдинг, а ты хлопаешь глазами.

– Не нравится мне это. Что-то тут нечисто.

– Да брось, старик, это подарок Одина.

Харальд набрал в легкие побольше воздуха и гаркнул, перекрывая шум ветра и волн:

– Викинги! Один дарит нам сегодня богатую добычу. Мы примем ее! Это корабль греков. Их золото, серебро дадут нам удачу. Их вино мы будем пить сегодня вечером! Вперед!

Когда драккар оказался от византийского корабля на расстоянии полета стрелы, Харальд вынул меч и стал готовиться к abordажному бою. К его удивлению, корабль никак не отреагировал на появление драккара. Так же мерно покачиваясь на волнах при попутном ветре, двигался в своем направлении.

– Улоф, пошли-ка ему гостинец.

Молодой парень соскочил с вытертой до блеска гребной скамьи, которую теперь моряки на итальянский манер именуют банкой, натянул большой лук и пустил в сторону преследуемого корабля тяжелую стрелу. Стрела описала крутую дугу и угодила точнехонько в цель.

Сначала ничего не происходило, но через пару минут последовал ответ: с резким треском в мачту вонзился толстый и короткий арбалетный болт. Он был выпущен с невиданной силой: летел почти по прямой и при ударе выбил из мачты целую тучу щепок.

– Однако, – только и смог вымолвить Улоф, опустив приготовленный к очередному выстрелу лук.

– Харальд, не нравится мне этот корабль, – опять завел свое Эйнар, – может ли человеческая рука с такой силой пустить стрелу? Пройдем мимо!

– Чтобы в народе меня прозвали Харальд-испугавшийся-стрелы? Нет. Всем готовиться к бою.

Дружина налегла на весла, штурмовая команда уже раскручивала abordажные крюки. Когда расстояние сократилось так, что можно было услышать голос, Харальд, держась за ванты, встал на борт и предложил команде греческого корабля сдаться:

– Греки, хватит прятаться! Ваши хитрые луки не спасут вас. Сдайтесь – и я, Харальд-конунг, обещаю доставить вас до берега живыми и невредимыми!

Ответом в очередной раз было полное молчание.

– Ну что ж, вы сами выбрали свою судьбу. В атаку!

Взмыли в воздух крюки, хищно заблестели на ярком полуденном солнце обнаженные мечи и топоры. Все шло привычным порядком, как вдруг с греческого корабля к драккару протянулись две огромных огненных руки и накрыли палубу, людей, весла и саму воду ревушим оранжевым пламенем.

Огонь метался по мачте, по веслам, люди с истошными криками падали в море, но и там, в ледяной соленой воде, не могли найти спасения, потому что магическое пламя, в которое погрузился славный драккар Харальда, ползло и по воде. Обожженные люди глотали ртами горящий воздух вперемешку с соленой водой и шли на дно вместе со своими верными мечами и секирами. Над полем битвы в далеких облаках появилась грозная валькирия. Она бережно принимала души воинов из экипажа драккара, погибших так, как подобает настоящим мужчинам – с мечом в руке. Сквозь толщу воды души погибших викингов взмывали к небу с легкостью утиных перышек. Они видели валькирию и радовались: не обманули дедовские сказания.

Они видели, а Харальд не видел. Не видел потому, что был еще жив. По инерции гибнущее боевое судно догнало греческий корабль. Как смертельно раненный витязь, и на грани смерти продолжающий разить противника, драккар с разгона ударил украшенную затейливой резьбой корму.

С хриплым кличем Харальд прыгнул на палубу и принялся рубить направо и налево. Дикая ярость бушевала в нем.

Вдруг один из противников сзади нанес ему сокрушительный удар. Свет померк в глазах юного конунга. Последним, что он увидел, была тревожно кричащая чайка, взмывшая в ослепительно-синее небо.

Добро

Мальчишка поднапрягся, уложенная на волокушу девчонка охнула, и маленькая процессия двинулась. Идти было трудно. Но Доброшка шел и даже находил в себе силы подбадривать свою спутницу разговором:

– Ничего, доберемся! И не такие случаются передрыги. Кстати, меня Доброшкой зовут, Добрыней, если полным именем. А тебя как?

Как ни трудно было говорить раненой, но она ответила:

– Белуша. Дома еще Белкой...

«Подходящее имя, – подумал Доброшка, – в самом деле на белочку похожа». Дальше пытать не стал, видел, что каждое слово дается его спутнице с большим трудом.

Через час пути стали угадываться признаки приближающегося жилья. Потянуло дымком, стал слышен собачий лай, посреди деревьев стали попадаться распаханые поляны, на которых колосилась рожь и зеленела капуста. Шагов через двести перед Доброшкой открылся холм, на котором стоял небольшой городок. В те времена городами называли все поселения, которые имели укрепленные стены. Стоял городок на косогоре при слиянии двух рек, наибольшая из которых, судя по всему, на некотором удалении от этого места впадала в Летошь. Город был окружен частоколом из мощных сосновых бревен. По углам стен возвышались сторожевые башни, на которых несли дозор караульные. С той стороны, которая не была защищена руслами рек, особенно высокий частокол был дополнительно укреплен валом и рвом. Через ров был перекинут мост, а над воротами сооружена часовенка.

Не успел Доброшка все это как следует разглядеть, как на башнях началось движение, из ворот выскочили три молодца при топорах. Старшой был наряжен в кольчугу. Ни слова ни говоря, один из них бросился к девчонке и подхватил ее на руки, а двое других, переглянувшись, плотно взяли под руки самого Доброшку.

«Ну все, попал», – мелькнула мысль, когда его повели в ворота.

В общем-то, городок внутри стен мало чем отличался от родного Летославля. Те же избы, источающие уютные домашние запахи, такие же нагретые солнцем деревянные мостовые из массивных плах. За избами огородики, яблоневые сады, амбары. Чирикали воробушки, кудахтали куры, где-то лаяла собака. Будто и не уезжал никуда.

Его привели на широкий двор. Там к ним вышел сурового вида муж в кольчуге и с мечом на поясе. Через правую щеку шел старый зарубцевавшийся шрам, и вообще вид человека было исключительно грозен. Явно воевода местный.

– Кто таков, молодец? Откуда взялся и куда путь держишь? – спросил он, не тратя время ни на приветствие, ни на прочие предварительные разговоры.

– Я – Доброшка. Добрыня то есть. Крещен Константином. Из города Летославца. Путь держу... в дальние страны. Странствую я, вот.

– А к нам как попал?

– Да я же...

Но закончить ему не дали те парни, которые все это время держали его под руки: «У ворот взяли – Белушу тащил на волоке».

– Белушу? А что с ней?

– С ногой что-то, в крови вся.

– Ладно, – сказал воевода. – Этого пока в сторожку заприте.

Особой торопливости воевода не высказал, но видно было, что сообщение о девочке его встревожило. Он встал и широкими шагами двинулся по направлению к воротам.

Доброшку отвели в небольшую избу с маленькими волоковыми оконцами, посадили на лавку, дали воды и хлеба. Дверь плотно закрыли и задвинули снаружи засовом.

Оглядевшись, узник понял, что бежать из сторожки невозможно, уселся на лавку и принялся задумчиво жевать хлеб. Через малюсенькое оконце пробивался яркий луч света, в котором танцевали легкие пылинки, жужжали мухи, за окном стрекотали кузнечики. Квадрат солнечного света медленно полз по бревенчатой стене. Долго ли придется тут сидеть? Может, забыли про него?

Прошло около часа. Наконец дверь отворилась, и он увидел в проеме давешнего воеводу. Он стоял подбоченясь и с хитрым прищуром глядел на Доброшку.

– Что же с тобой делать, тать бортный?

– Я не тать, – уже почти привычно ответил несостоявшийся путешественник, соскочив с лавки, – я в дальние страны плыву.

– Ладно, понятно, Белуша хоть и мается, а рассказала, как вы от пчел убегали и как ты ее на себе от самого дальнего леса тащил. Герой, одно слово. Можешь не оправдываться. Выходи давай, гостем у нас будешь.

Быть гостем у воеводы Доброшка согласился с удовольствием. Нечасто в тринадцать лет выпадает такая честь – он даже будто ростом стал выше. Воевода повел его к себе в дом.

Оказалось, судьба забросила его в сторожевой княжеский городок, почти такой же, каким был его родной Летославль. Назывался он Колохолм.

Такой же, да не такой. Летославль был выстроен отцом Доброшки на пустом месте, на холме при слиянии Летоши с Быстрым ручьем. Там гуляли одни лишь буйные ветры и росли тонкие сосенки. Человеческого жилья не было. Правда, когда копали ров с полуденной стороны, наткнулись на следы каких-то старых костров, осколки горшков и кости, но они были глубоко под землей, а значит, горели здесь костры и варилась в горшках каша не одну и не две сотни лет назад. В памятное время жилья людского на этом месте не было.

А вот Колохолм был заселен людьми уже давно. Здесь еще совсем недавно жили одни только вятичи, их был город. Тут и старейшины их собирались, и земляной город был на всякий военный случай, и боги их на том самом холме, от которого город назван, стояли: два брата – Вятко и Радим. И много еще чего было – большой был город когда-то. Не самый главный у вятичей, но все же.

Покорил вятичей и радимичей дед нынешнего князя Ярослава Киевского – Святослав. Много десятков лет назад. Славный был князь, до сих пор о нем песни слагают. И вятичи на него обиды не держали. Потому как покорить покорил, но в жизнь не вмешивался. Так и жили вятичи по-своему, как деды их жили. О киевском князе вспоминали только раз год, когда дань в Киев собирали. А и разница небольшая: раньше хазарам, теперь в Киев.

Однако время шло, время менялось. Дошла и до Колохолма очередь. Прислали княжеского воеводу, тиунов и, конечно, по новым временам – священника. Русь принимала греческую веру, а тут до сих пор ни церковки, ни часовенки... Воевода звякнул мечом, зыркнул оком, священник водой обрызгал и кадилом помахал. Потужили колохолмцы, да делать нечего – стали вроде как греки по вере. С честью свезли братьев-богов в лес да и со слезами похоронили – сожгли, как подобает воинам. И каждый взял себе по уголочку из костра. Уголки эти хранились в домах колохолмцев в потайных местах: у кого в коробе вместе с деньгами, у кого прямо в красном углу за иконами.

Нынешний воевода был по счету пятым. Звался Ильей. Одной рукой мог повалить трехлетнего бычка. Мог, но не валил: несмотря на грозный вид, был незлобив и бивал только врагов на рати. А дома – никогда. Особенно смирен стал Илья с тех пор, как во двор к нему залезли лихие люди – поживиться хотели добром. Наткнувшись в темноте, Илья от неожиданности так вlepил кулачищем несчастному татю, что у того глаза выскочили из орбит. Насилу вправили потом. Одно око спасти так и не удалось, бедняга окривел. Илья его у себя во дворе оставил, кормил, поил, ухаживал. А когда тот маленько оправился, еще и дал денег на дорогу. Такой вот в Колохолме был воевода.

К такому человеку шел Доброшка в гости.

Дом у воеводы был большой, на подклете. Взобравшись по крутым лестницам, Доброшка очутился в светлой горнице. Там его встретила Белка. Она сидела на лавке. Раненая нога была замотана белой тряпицей.

Умытая и причесанная, она показалась пареньку чудо как хороша. «Как это я сразу не заметил? – подумал он. – Видно, с испугу». Огромные глаза, коса чуть не до пола. Он в жизни не видывал таких девчонок. Хоть и немало пригожих девиц было в Летославце, однако все-таки не таких красивых. Голову Белки охватывала пестротканая тесемка, виски были украшены тонко кованными серебряными кольцами. И впрямь как маленькая княжна. Будучи жителем маленького пограничного городка, Доброшка никогда не видел ни княжон, ни княгинь. Ни маленьких, ни больших. Но с этого момента стал совершенно уверен, что выглядеть они должны именно так. А если иначе, то им же хуже.

От открывшейся ему красоты гость слегка ошалел и несколько мгновений переминался у входа, не зная, с чего начать беседу. Наконец взгляд отлип от Белкиного лица и обратился на замотанную ногу.

– Болит?

– Болит, – покивала Белка. – Да ты проходи, садись, витязь-спаситель, не стесняйся... Оказалось, ничего страшного, вывих просто – Илья вправил уже. А кровь из глубокой царапины натекла – перелома нет. Наш знахарь посмотрел, сказал: через три дня прыгать буду. Калачик будешь?

Гость от угощения отказываться не стал, отведал и калачик, и медовый взвар, и яблочко.

Между тем пришел и воевода Илья, оглядел Доброшку с ног до головы, усмехнулся:

– Тебе сколько годков-то, парень? И что собираешься дальше делать?

– Мне совсем скоро четырнадцать исполнится, – немного соврал «витязь».

– А как в лесу оказался?

Начинающий путешественник все честно рассказал: и про отца с матерью, и про Летославль, и про плот, и про мед. Только про Индию и карту умолчал (тайна все-таки).

– И что дальше думаешь делать?

– Дальше поплыву, – не особенно задумываясь, ответил Доброшка.

Илья усмехнулся. Отпускать мальчика дальше в путь ему не хотелось. Летославль был совсем недалеко. С летославскими мужами не раз приходилось в боевые походы ходить. Вроде бы даже отца Доброшкиного Илья смутно припоминал. Отпустишь сейчас – что потом родителям скажешь, когда искать кинутся? И мудрый воевода придумал:

– Есть у меня для тебя, храбр странствующий, предложение: оставайся у нас. Не делай удивленной рожицы – в дружине у нас недобор. Служба нелегкая, печенег далеко, зато ватаг разбойничьих в лесах немало – кружат как волки...

Доброшкина душа воспарила, как птичка, до небес: служить в дружине! Оружие дадут!!

Помимо героического желания служить в дружине и носить оружие в Костиной голове мелькнула мысль и про Белку: ее видеть можно будет!

Не чуя себя от восторга, Доброшка выпалил: «Да!»

Оказалось, что в местной городской дружине в самом деле есть свободное место младшего отрока. Должность невеликая, однако для начинающего воя почетная. Обязанности несложные. Выступать в дежурство вместе с городской стражей. Понятно, что основную работу будут делать старшие, но и ему найдется дело. Меч не дадут, но боевой топор – пожалуйста. Дома на такое счастье Доброшка рассчитывать не мог – там его ребенком считали. А тут своим геройским появлением мальчик показал себя уж не мальчиком, а отроком, то есть, как будут говорить в далеком XXI веке, подростком. Кое-какую работу ему можно было доверить.

Жить Доброшку определили к тому же Илье. Дом у него был большой, а народу всего ничего: сам да Белка. Жена его, как спустя некоторое время узнал Доброшка, умерла. Второй

раз он так и не женился. Тосковал по Соловушке своей, что пела так недолго. А тосковать воеводе нельзя – не такая у него стезя, чтобы тосковать. Люди от него зависят, город на его плечах стоит. Чтобы не было дома так пусто, взял к себе на воспитание сироту – Белку. А теперь в число его домочадцев вошел еще и новый отрок сторожевой дружины – Доброшка Летославец (так со всей честью его записал старшой стражник).

Начались будни, которые по необычности своей для начинающего сторожевого ратника выглядели то ли как каторга, то ли как праздник. В ночной дозор его пока по неопытности не ставили, и поэтому пока ночью Доброшка, как полагается нормальным людям, спал.

Но утром начиналось учение. Учиться приходилось не с пером и чернильницей, а с тяжелым дубовым мечом (по весу ничуть не легче настоящего, стального) и вполне настоящими сулицей и боевым топором. Сулицу метали в тяжелый сосновый кряж, установленный у самой крепостной стены, а мечами его гоняли старшие ребята из отряда до полного изнеможения. Сначала отрок, одурев от неопасных, но весьма болезненных и, что еще важнее, обидных тычков деревянных мечей, убегал со двора и прятался в самой дальней сторожевой каморе. Однако, отдышавшись и усомневшись своей слабости, возвращался на «поле боя» и вновь брал в руки деревянный меч.

Поначалу Доброшке удавалось отбить только один удар из десяти. Он уже почти смирился и приготовился вечно ходить в синяках и сложить свою буйную головушку в первом же настоящем бою. Но потом вдруг в одночасье что-то поменялось. Совершенно неожиданно для себя он обнаружил, что очередная «трепка», которую пытались задать ему его вечные наставники-мучители, вылилась в веселую игру: мечи сталкивались в воздухе, на весь двор стоял веселый треск, клубились тучи пыли. Ни один из ударов не оставался незамеченным и получал достойный ответ. Наконец отрок принял дубовый клинок старшего на гарду своего меча, извернулся и хлопнул учителя прямо по лбу. Будь меч настоящим – конец буйной головушке, а так – шишка.

– Ой... – От неожиданного успеха Доброшка сам опешил, отпрыгнул чуть не на три аршина и встал в оборонительную стойку, выставив вперед свое, показавшееся ему вдруг жалким, деревянное оружие.

– Ну все... – взревел стражник, слывший в дружине самым лучшим мастером клинкового боя. Глаза его сузились, и он плавными кошачьими шагами стал приближаться к Доброшке медленно, но неумолимо.

Тот, однако, вопреки обыкновению, не бросился бежать в спасительную камору, а стряхнул с себя оцепенение, встал поудобней и принялся ждать противника, плавно покачиваясь на мягко пружинящих ногах.

Последовала серия молниеносных ударов: треск, пыль, шумное дыхание...

И вот вдруг все стихло.

Посреди двора стоял взмыленный подросток и крепкий молодой мужчина. Подросток держал наизготове деревянный меч, а мужчина свой такой же меч опустил к земле. Он пристально посмотрел на готовившегося продолжать поединок младшего, усмехнулся, тряхнул русоволосой головой и сказал лишь одно слово, которое прозвучало для юного ратборца как самая сладкая музыка:

– Молодец.

Бой на мечах давался тяжело. И освоить его в полной мере Доброшке не удавалось долго. Но было дело, в котором Доброшка неожиданно проявил недюжинную сноровку. В общем, он знал за собой это умение и раньше, но не придавал ему серьезного значения. Выяснилось, что уроженец Летославля обладает необыкновенной меткостью.

В общем-то, это было не чудо: у них каждый мальчишка, едва только начинал что-то понимать, уже сгибал из дубовой веточки немудрящий снаряд, стругал из прутиков стрелы и начинал тренироваться по всякой подвернувшейся под руку мишени: по торчащей из земли

былинке, по качающейся на ветру ветке, по зазевавшейся птичке или мышке. Доброшка всегда бил без промаха, уже лет в шесть от его снежков зимой никто не мог увернуться. А уж из лука – и подавно. Поэтому, пускаясь в путь, он не слишком заботился о провианте: всегда можно было подстрелить себе на обед что-нибудь пригодное.

В Колохолме детвора тоже любила позабавиться стрельбой. Но такого умельца там не видывали.

Выяснилось это неожиданно. Как-то свежим погожим летним утром колохолмские дружинники, как это было у них в обычае, затеяли во дворе игру: поставили на столбик изгороди яблоко и принялись стрелять в него с двадцати шагов.

Вызвался попробовать и Доброшка. Настоящий, тяжелый составной лук попал ему в руки первый раз. Чтобы натянуть тетиву, требовалась нешуточная сила. Он напрягся, выстрелил – и... Стрела ушла «в белый свет». Воткнулась в стену воеводино дома, как раз под окнами Белки. Сопровождаемый добродушными смешками Доброшка отошел в сторону и некоторое время стоял в задумчивости.

Тем временем в толпе дружинников раздались шумные крики одобрения: очередная стрела прошла совсем близко к цели, задев яблочко оперением. Доброшка решительно подошел к принимавшему поздравления стрелку и взял у него из рук лук.

На сей раз он подошел к делу иначе. Не стал сильно натягивать тетиву – цель была не так уж далеко. Принял во внимание тяжесть стрелы и легкий ветерок. Приноровился, прищурил глаз и на медленном выдохе отпустил тетиву, полагаясь больше на чутье, чем на расчет, выстрелил. Маленькое румяное яблочко разлетелось на тысячу кусочков.

Дружинники притихли, а потом грянули разом: принялись хлопать Доброшку по плечам, трепать волосы, поздравлять с удачей и тому подобное. Но он решил попробовать еще раз и показать всем, что если это и удача, то не случайная. Поставил еще одно яблочко и снова выстрелил. И снова попадание было точным.

Тогда на Доброшку снизошел веселый азарт, и он захотел свершить невозможное. Вместо яблочка воткнул в расщелину изгороди тоненький ивовый прутик. На сей раз он выцеливал несколько дальше. Солнце поднялось высоко и стало слепить глаз. Но поменять позицию было уже нельзя: взялся за гуж – не говори, что не дюж.

Наконец, решив, что от долгого прицеливания толку немного, Доброшка выстрелил. Стрела покрыла расстояние за мгновение. Но для стрелка это время будто бы многократно растянулось. Звуки вокруг исчезли. Доброшка видел, как стрела по плавной дуге струится в воздухе, и мысленно направлял ее в нужную сторону. Наконечник поблескивал в лучах солнца, раздвигая воздух, как горячий нож – масло, пылинки зависли в воздухе, мир вокруг будто бы остановился.

Но вот красивая линия полета пришла к цели и стрела с треском расщепила прутик на две равные доли. Мир вновь обрел звуки и движение. Доброшку подхватили на руки и стали подбрасывать в воздух. Шум, восторг!

Доброшка бы предпочел лучше быть мастером биться на мечях, но и меткостью своей тоже гордился. Поскольку знал: всякое особенное умение – это от богов дар, разбрасываться такими дарами нельзя.

Есть

Дощатый потолок – вот что увидел Харальд, когда смог разлепить глаза. Запах мокрого дерева. Каюта корабля. Попробовал пошевелиться – тщетно: связан. Ну конечно. Значит, греки оказались сильнее и он в плену. Легкое покачивание и характерный звук волн рассказали молодому, но немало уже повидавшему викингу, что корабль идет по ветру. Очевидно, тем же курсом, что и шел до встречи с драккаром.

Скрипнула дверца, и в каюту зашел человек. Он был невысокого роста, черные кудрявые волосы и борода светились обильной сединой. По фигуре и осанке видно, что не воин. Наверно, слуга. Или раб. Точно, раб: воды принес – в руках бородатого грека Харальд увидел кувшин.

– Позови хозяина! – Грозная интонация юного конунга несколько не вязалась с его бедственным положением. Но как еще вождь славных воинов, пусть и поверженный, должен говорить с подневольным человеком?

– Ты что, оглох, раб, позови хозяина, я сказал!

Раб, однако, смотрел на него внимательно, но, как видно, не понимал, что ему говорят. Конечно, не понимал. Он же грек. А Харальд, как назло, не знал ни слова по-гречески! На всякий случай он повторил ту же фразу на языке саксов. Без толку.

Между тем человек подошел к связанному викингу и протянул кувшин. Пить в самом деле хотелось. Однако в кувшине оказалась не вода, а разбавленное вино с каким-то странным привкусом. Ну да выбирать не приходилось. Харальд принялся пить.

Напившись, он откинулся на соломенной подстилке и вдруг ощутил истому во всем теле. Тело его будто засыпало, но сознание не угасало. И вообще ощущения были странные.

Между тем византиец присел на корточки и стал обстоятельно развязывать путы. Когда руки были освобождены, Харальд хотел двинуть своему тюремщику по уху, но оказалось, что рукой своей он почти не владеет. Вместо резкого удара, от которого презренный раб отлетел бы до самой стенки каюты, получилось лишь вялое медленное движение. Харальд попытался проделать то же самое и другой рукой – с тем же самым успехом.

Византиец, заметив движение, посмотрел на него черными, редкими в северных широтах, глазами и сказал на вполне сносном норвежском:

– Приветствую тебя, славный конунг, на моем корабле.

– Так ты, грек, знаешь наш язык?

– Как видишь. Точнее, слышишь.

– Что ты сделал с моими руками?

– Не волнуйся, это пройдет через полчаса.

– Вот тогда-то я тебя и прикончу, если ты не позовешь сейчас же сюда хозяина или капитана судна.

– Я знаю, что прикончишь. И поэтому мне нужно торопиться. За полчаса я должен убедить тебя, что убивать меня не стоит. И вообще, что нужно жить дружно.

Харальд на мгновение задумался. Все равно ничего иного он в сложившейся ситуации поделать не мог. И у него созрел вопрос:

– Зачем ты меня опоил и развязал, разве нельзя было поговорить со мной связанным?

– В том-то и дело, что нельзя. Поскольку мне нужно не только многое тебе рассказать, но еще больше нужно показать. Мне нужно, чтобы ты ходил. Сначала я хотел просто развязать тебе ноги. Но потом подумал, что ты и со связанными руками можешь натворить кучу бед. Поэтому, извини, ничего больше не оставалось, как дать тебе успокаивающее зелье, чтобы ты, горячий морской воин, смог выслушать меня более или менее до конца. Я и есть капитан этого корабля. Поднимайся!

Византиец развязал Харальду ноги, и тот с трудом, как пьяный, поднялся. Опираясь на руку византийца, он поднялся на палубу и, пощурившись на ярком солнце, принялся оглядываться.

Викинг никогда не бывал на греческих кораблях, но увиденное поразило его выше всякой меры: на палубе было совершенно безлюдно. Недоуменно озираясь, Харальд первым делом задал вопрос:

– А где люди?

– Вот это и есть главный мой секрет, – сказал грек, в первый раз за весь разговор улыбнувшись. Улыбка у него была мягкая, вокруг глаз собралось много мелких морщинок, но у Харальда волосы на голове встали дыбом от ужаса, по спине пробежали ледяные мурашки:

– Людей здесь нет, корабль управляется демонами, ты колдун, грек?

Грек рассмеялся еще веселее:

– Ты прав, славный конунг, только в одном. Кроме нас с тобой, людей на судне в самом деле нет. Есть еще кошка. Но демонов – нет. Во всяком случае, к управлению кораблем они не имеют ни малейшего отношения.

Харальд продолжал озираясь. А единственный, как выяснилось, обитатель корабля опять подхватил его под руки и повел дальше, показывая свое хозяйство.

– Видишь, через всю палубу идут просмоленные тросы? Вот при помощи них я и управляю кораблем. Вот этот рычаг – руль, а при помощи вот этих механизмов могу, не отпуская управления, управлять парусами.

Как ни худо было Харальду, но его как бывалого моряка увиденное и услышанное и поразило, и заинтересовало.

– Я понял, как все устроено. Но не понял одного: ты, грек, извини, хоть и, судя по всему, умен, но не выглядишь сильным. А руль и парус во время бури порой не могут удержать и трое здоровенных мужчин.

– Я и в самом деле не очень силен. Но и на это у меня есть приспособления. Называются блоки. Есть еще и несколько весьма хитрых пружин и воротов. Я тебе потом покажу, если мы... договоримся.

– Хорошо. Самое время изложить, что за договор ты мне предлагаешь.

Грек не мог больше поддерживать массивное тело конунга и осторожно посадил его на перевернутый бочонок.

– Да, пожалуй. Видишь ли, славный конунг, не я напал на твой драккар, я вынужден был обороняться. Скажу по совести, мне этого совсем не хотелось. Но у меня не оставалось выбора.

С прискорбием сообщаю, что корабль твой, скорее всего, погиб. Он полыхал от носа до кормы. Ты оказался невольным моим пленником. Я совсем не хотел умножать количество жертв и намеревался доставить тебя связанным на берег и передать с рук на руки кому-нибудь из твоих соотечественников.

Но увы, твой лучник, пустивший стрелу в самом начале битвы, достиг гораздо большего, чем мог вообразить. Жаль, что он никогда об этом не узнает, он был бы горд: стрела попала в один из блоков и перебила трос. Пока ветер попутный, корабль движется нормально. Но если направление ветра переменится или начнется шквал, то я не смогу в одиночку управлять парусами. Мне обязательно нужен помощник. Если это вдруг случится, мы оба можем погибнуть, вот именно поэтому я решил поговорить с тобой начистоту. Мы вместе доплывем до берега, ты согласен, славный конунг?

Харальд тем временем несколько успокоился, увиденное по-прежнему удивляло его, но не внушало суеверного трепета. Кроме того, онемение в теле стало понемногу проходить.

– Согласен, грек. Но скажи мне, как ты можешь верить мне? Что будет, если я передумаю, как только действие твоего снадобья закончится?

– Я слышал о тебе, Харальд. Ты смел, но умен. Ты должен был понять, что иного выхода у нас с тобой нет.

– Почему ты противопоставляешь смелость и ум?

– Опыт... У умных людей обычно богатое воображение. Оно их и подводит: рисует наглядно все возможные варианты опасности, пугает тем, чего нет. Ты должен понять, что для тебя в сложившейся ситуации на самом деле выгодно.

– Хорошо. А из луков стреляли и огнем нас поливали тоже твои хитроумные эээ... как ты сказал, «механизмы»?

– Да, конечно. Без них я вряд ли бы заплыл так далеко от родного дома. В морях по всему свету полно желающих пожить за чужой счет. Но обычно хватало демонстрации огнемета для того, чтобы желание «познакомиться поближе» резко сменилось желанием убежать подальше. Ты был первым, кто кинулся на abordаж, несмотря ни на что.

– Почему же ты плаваешь один? Неужели Царьград оскудел смелыми воинами?

– На то есть свои причины, возможно, я расскажу тебе о них. Потом.

Харальд посмотрел вдаль, туда, где, по его расчетам, должен был остаться его корабль:

– Да, теперь я вижу, что нужно было послушаться Эйнара.

– А что говорил Эйнар?

– Говорил, что лучше бы нам пройти мимо.

Грек печально улыбнулся:

– Прав был твой Эйнар.

– Но подожди, а кто со мной рубился, когда я запрыгнул на эту палубу? И тут «механизмы»?

– Ну, можно и так сказать. Только с тобой никто не рубился. Рубился ты. И вот посмотри, во что ты превратил моих верных деревянных «матросов».

Седобородый капитан подтащил к сидящему на ящике Харальду большую куклу, сделанную из легких жердей и одетую в доспехи из тонких досочек. Вся верхняя часть ее была жестоко разрублена, со всех сторон торчали, болтались щепки и кусочки ткани.

– Куклы складные и были закреплены вдоль бортов. Если потянуть за трос, они поднимались. В южных морях суеверные пираты порой пугались их больше, чем огня. Огонь-то для них штука привычная. А вот корабль с мертвецами увидишь не каждый день. Среди африканских пиратов часто рассказывают легенды о «мертвом» корабле: кто встретит его – умрет. Так вот, я специально сделал головы своим храбрым манекенам похожими на голые черепа. Ох, драпали же они – только весла сверкали! Ну да теперь мое деревянное войско отвоевалось.

– А вырубил меня тоже одна из этих твоих деревянных кукол? – В голосе Харальда звучало сомнение.

– Нет, конунг, ты пал жертвой вот этого вот полена и вот этой вот руки, – грек поднял вверх свою не особенно мощную, но крепкую и жилистую руку, – извини, я не мог предложить тебе честного поединка: пришлось действовать подручными средствами.

Харальд, который до той поры только хмурился, недоверчиво щурился, временами недоуменно крутил головой, посмотрел на полено, на вздетую вверх худую руку и весело расхохотался.

Живете

День сторожевого отрока начинался вполне обычно. Наряд вышел на службу рано утром, сменив ночной дозор. Стражи торопились по домам: поесть и выспаться. Десятник свежей смены расставлял отроков по обычным местам. Доброшка уже почти привык к службе. Его, как самого молодого и зоркого, поставили на высокую северную башню – оглядывать окрестности: нет ли где пожара, не идет ли враг, не творится ли какого беззакония. Конечно, беззаконие с башни не разглядишь, а вот пожар или врага – вполне. Впрочем, врагов он за прошедшие два месяца еще не видел, а вот пожары случались.

Доброшка потрогал пояс, который подарил ему Илья, поверстав в службу. На поясе был привешен небольшой кошель (увы, пока пустой), его старый ножик и его новая гордость – небольшой боевой топорик, тоже подаренный Илей. Этот топорик и лук (тот самый, из которого стрелял Доброшка в памятный день своего триумфа) составляли его небольшой арсенал.

За прошедшее время он как свои пять пальцев изучил вверенный ему пост на северной башне и до малейшего кустика рассмотрел ближайшую округу. Если раньше поле, зеленый лес вокруг и кустарник казались ему зеленой кашей, рассеченной серебристым изгибом реки, то теперь он мог заприметить и различить даже ежика, перебежавшего дорожку на опушке леса. Окружающий мир наполнился логикой и смыслом. Жизнь за два месяца вошла в ставшую уже привычной колею.

Определившись на службу, Доброшка написал письмоцо домой батюшке с матушкой, похвастался своим нынешним положением. Повинился, что уехал без родительского позволения. Но вышло-то все честь по чести! Он воображал себя годика этак через три уже десятником в настоящей кольчуге и с настоящим мечом, а еще через пять – сотником, женатым, конечно же, на Белке и наплодившим не меньше дюжины ребятишек. Потом воображал – чем черт не шутит, – и воеводой. А что, чем Доброшка не воевода? Вот будет большой поход, будет случай – он непременно отличится, перебьет целую кучу врагов, князь узнает и пожалует его – всего-то и делов.

Доброшкина фантазия могла зайти далеко. Матушка частенько укоряла его за то, что он то и дело «засыпает наяву». Еще минут через пять в мыслях он мог бы стать уже и князем, и царем индийским, и еще бог знает кем. Но спокойный ход сторожевой службы был прерван сигналом тревоги, пронзительно разрезавшим тишину солнечного утра. Трубили с соседней башни. Стражник, краснощекий парень в кожаной броне, что есть силы дул в тревожный рожок.

Доброшка встрепенулся и заметил, что, замечтавшись, проглядел появление на опушке леса не ежика, а целого отряда. Неужели враг? На врага, как он его себе представлял, вроде было не похоже. Да и отряд был невелик: пять конников легким галопом скакали к городу. Почему же тогда такой переполох?

Узнать было не у кого, покинуть пост сторожевой отрок не мог. Оставалось только ждать. Любопытство разбирало. Но судьба оказалась к молодому воину благосклонна – не дала ему лопнуть от любопытства. Странная делегация, которую заприметил сторожевой на соседней башне, двигалась напрямик к северным воротам Колохолма, над которыми и сидел Доброшка в своей башне.

Когда всадники проехали колохолмские огороды, можно было уже разглядеть визитеров в деталях. Впереди сказал стройный юноша. Прямые, цвета вороньего крыла волосы были схвачены серебряным ободом. Под богатым, черного бархата плащом серебрилась кольчуга. Меч был только у него. Причем меч (Доброшка уже начал кое-чего понимать в оружии) был необыкновенный. Клинка было не видно, но по тому, как украшена гарда, было видно, что ору-

жие, можно сказать, княжеское: простому клинку такая «одежка» не полагается, как не полагается смерду златотканый плащ-корзно. Остальные были одеты проще и были при топорах.

Странная компания подъехала к воротам. Ворота были открыты – на дворе стоял день и опасности серьезной в ближайшей округе не наблюдалось. Но стража заступила дорогу, и люди остались стоять перед воротами. Было слышно, как по внутренним дворам младшие отроки разыскивают-выкликают Илью.

С башни было видно, как напряжен старший, тот, что был при мече. На первый взгляд, он сохранял ледяное спокойствие и почти не двигался, но черные глаза его вспыхивали мрачным огнем, губы побелели, а на скулах ходили хищные желваки.

Через некоторое время вышел Илья. Встал посередь ворот как кряжистый дуб – ни объехать, ни обойти, могучие руки заложил за наборный пояс.

– Так это ты, Ворон! А я-то думаю: чего такой переполох? – произнес он нарочито спокойно, растягивая слова.

– Пусти в город.

– Да чего тебе там? Можно здесь поговорить.

– Я не холоп, чтобы меня дальше порога не пускать. Это мой город.

– Был когда-то. И не твой, а всего лишь твоего прадеда, – в голосе Ильи чувствовалось глубоко запрятанное раздражение, – те времена прошли.

– Это мы еще посмотрим.

– Ну, вот видишь – как тебя с эдакими-то речами за ограду пускать?

Тот, кого Илья назвал Вороном, склонил голову, черные волосы закрыли глаза:

– Хорошо, Илья. Не сердись на меня, я погорячился. Разговор серьезный. Обещаю как брат, что обиды творить не буду.

– Ну ладно, брат (Илья произнес это слово не без иронии). Заезжай. А то, что обиды обещаешь не творить, – за то спасибо. Не хотелось бы лишнего шума. Сам знаешь, дружина у меня на тебя зуб имеет. Так и рвется мечами переведаться.

Стражники расступились, Ворон со свитой (по всему было видно, что это именно свита, а не просто спутники) въехал в ворота Колохолма. Проезжая через мост, он преобразился: с таким видом мог вступать в город только вернувшийся из дальних странствий хозяин. Надменное лицо Ворона – это последнее, что мог увидеть Доброшка со своего наблюдательного места. В голове Доброшки осиным ульем гудели вопросы: почему неведомый гость назвал город своим? Почему Илью назвал братом? Почему Илья произнес слово «брат» с такой иронией, но возражать не стал? Оставалось теряться в догадках.

Дальнейшие события не заставили себя ждать: не прошло и получаса, как на площади раздались крики и звон оружия. Еще через мгновение вся кавалькада во главе с Вороном, который и вправду был похож на большого черного ворона, с грохотом вылетела из ворот города и стала стремительно удаляться. Скоро их развевающиеся плащи исчезли за клубами дорожной пыли, поднятой копытами.

Доброшке хотелось тут же броситься к Белке и расспросить ее: уж она-то знает обо всем! Но до окончания своей очереди дозора бежать никуда было нельзя. Доброшка принялся с утренним вниманием осматривать окрестности. Но сколько ни глядел, ничего интересного на сей раз за весь день увидеть так и не довелось.

Зело

Путешествие на греческом корабле было легким и приятным. Если бы не тяжелые мысли о погибшем драккаре, Харальду не о чем было бы тужить. Несмотря на поломку, основные механизмы работали исправно, и капитан со всем справлялся почти без помощи викинга. Харальд быстро освоил всю техническую премудрость и попросил хозяина корабля выделить ему для дежурства самую трудную ночную смену.

Раньше, когда команда корабля состояла только из деревянных «воинов», капитану приходилось на ночь пускать корабль в дрейф, чтобы немного поспать. Теперь стало гораздо удобнее.

Вечерами викинг и грек садились на корме. Зажигали фонарь, Харальд правил, а грек готовил на маленькой печке ужин. Время за разговорами под шум волн, скрип снастей и крик чаек текло незаметно. А рассказать каждому из них было о чем. Грек наконец назвал и свое имя. Оно показалось норвежцу странным, но чего только не бывает у иноземцев: грека звали Архимед. Харальд, бывало, сталкивался с греками, но имени такого не слыхивал.

Поначалу спрашивал конунг. Грек терпеливо отвечал, понимая, что гость оказался у него на корабле не совсем по своей воле и поэтому имеет право узнать все, что его интересует.

– Так все-таки зачем было городить все эти... механизмы? Почему нельзя было набрать команду? Сложные приспособления стоят недешево. Одной бронзы ушло, я вижу, немало. Любой обычный матрос обошелся бы тебе втрое дешевле.

– Ты все правильно говоришь, славный конунг. Но я оказался перед лицом обстоятельств, которые заставили меня поступить именно так, а не иначе.

Архимед подобрал край длинного шерстяного плаща, уселся напротив Харальда, всем своим видом показывая, что, как бы ни были тяжелы вопросы, он готов на них ответить.

И Харальд продолжил:

– Что же это были за обстоятельства?

– В некотором смысле моя история похожа на твою. Я тоже изгнанник.

– Ты воевал за престол и был изгнан? – В вопросе Харальда сквозило недоверие. – Ты император в изгнании?

– Нет, не император, хотя в моем роду в далеком прошлом были и коронованные особы. Давно, очень давно. Мой отец – патриций, придворный, занимавший в былые годы высокую должность: логофет дрома, он отвечал за всю имперскую почту. Все мои братья пошли по стопам отца и занимают весьма важные должности при дворе императора Романа.

– Как же ты оказался один посреди Балтийского моря в компании одних только деревянных пугал и неудачливого норвежского конунга?

– Судьба, друг мой викинг, судьба. Знаешь, – глаза грека мечтательно устремились вдаль, – изначально я хотел построить совсем не такой корабль.

– Не такой? А какой? Еще чудней?

– Да, пожалуй, еще чудней. Тот корабль должен был не плавать, а летать!

– Летать? – Харальд улыбнулся.

– Да, летать, смелый викинг, летать! – Изобретателя раздражила снисходительная улыбка собеседника. – Благодаря знатному отцу я имел доступ в императорскую библиотеку, много читал, думал и решил, что должен построить такой корабль.

– И что, построил?

– Почти. – Грек понурился.

– Корабль не полетел?

– Нет.

– И ты не смог понять, почему так случилось?

– Нет, я понял! – Архимед вскинул голову, голос его зазвенел. – Нужно было взять другие материалы, нужно было раздобыть бамбук и тончайший шелк из Чинской империи, а не кипарис и пергамент!

– Так в чем же дело? У тебя не хватило серебра?

– И да и нет, денег было в достатке. Но отец...

– Не одобрил твоих затей?

– Да, как ты догадался? – Грек выглядел удивленным.

Тут настала пора довольно улыбаться Харальду:

– Так ведь и я не первый день на свете живу. Знаю похожую историю. Был у нас тоже один такой, тоже летать хотел, крылья все мастерил. Правда, не из пергамента и не из шелка, а из гусиных перьев.

– И что? – Архимед так разволновался, что даже вскочил на ноги. – Я должен с ним непременно познакомиться!

– А вот это вряд ли. У христиан ад свой, а этот бедолага сейчас, увы, влачит жалкое существование в холодном и туманном царстве владычицы Хель. Нет таких крыльев, чтобы вырваться оттуда.

– Так он погиб?

– Да, и поскольку меча в его руках не было, за пиршественным столом Одина его не увидят.

– Как это случилось?

– Да как, обычно... Его родне тоже надоело слушать бесконечные бредни о том, что люди должны летать как птицы. Надели на него его крылья, да и пустили со скалы: «Лети!»

– И что он?

– Полетел.

– Правда?

– Конечно, правда, куда ж ему было деваться? Правда, полетел он прямехонько вниз, на камни. Только перья в воздухе закружились.

– Ужасная история, – грек обессиленно сел обратно на скамью, – я стал лучше относиться к моему отцу и братьям.

– Ты жив и здоров, судя по всему, тебя со скалы сбрасывать не стали.

– Да, всего лишь обсмеяли: и Икара мне припомнили, и Вавилонскую башню. Не дано, сказали, человеку до неба добраться... и отправили в монастырь «лечиться». Монастырь стоял на берегу моря. Там мне и пришла идея построить корабль, на котором можно плавать в совершенном одиночестве.

За основу я взял конструкцию обычного у нас дромона. Пришлось уменьшить размер и усилить парусное вооружение, поскольку на гребцов мне рассчитывать не приходилось. Тогда же я отказался от своего аристократического имени и взял себе то, которое знаешь ты, – Архимед, в честь одного древнего мудреца, на которого я с детства хотел быть похожим. На постройку корабля ушло немало времени. Но вот я наконец свободен. Как птица. Или, точнее, как рыба.

Земля

Истомившись за целый день любопытством, Доброшка, освободившись от дежурства, первым делом кинулся к Белке. Он бежал по деревянным мостовым Колохолма с одной мыслью: «Лишь бы оказалась дома»!

Одним махом взлетел на высокое крыльцо и бросился в горницу.

Ему повезло: Белка оказалась на месте. Она сидела у маленького волокового оконца и занималась приличным юной девице делом – вышивала.

Хоть и жили Белка и Доброшка в одном доме, но встречались нечасто. Во-первых, служба, но дело было не только в ней. Было еще и «во-вторых». Во-вторых, дружинный отрок всякий раз испытывал смущение в обществе Белки. Смущение это пришло к нему тотчас, как он рассмотрел исключительную ее красоту. Не мог ничего с собой поделаться, не было прежней легкости. А та, видимо, чувствовала его смущение и как будто нарочно разговаривала с ним вроде бы и по-дружески, но с такой улыбкой, что Доброшке становилось совсем не по себе.

Вот и теперь его охватила некоторая робость. Но любопытство на сей раз пересилило сердечную дрожь, и он выложил все накопившиеся вопросы единым духом.

– Так, – Белка поправила разложенное на коленях шитье, – давай по порядку. Столько вопросов, что я прямо не знаю, с чего начать.

– Ты главное скажи: что за птица этот Ворон?

– Тут все непросто объяснить, ты садись, не стесняйся.

– Объясни уж как-нибудь. – Доброшка сел на лавку и приготовился слушать.

– Знаешь, здесь, в Колохолме, власть – княжеская. От князя воевода Илья и поставлен, так?

– Так.

– И в твоём Летославле тоже власть княжеская, так?

– Так, не пойму, к чему ты клонишь...

– погоди!

– Ну...

– А вот между ними-то чья власть? – Белка взглянула на Доброшку.

От этого взгляда и от странного вопроса он совсем растерялся, покраснел и лишь вопросительно смотрел на рассказчицу.

– Так я скажу тебе, чья власть «между», – продолжала Белка. – Вот как раз Воронова власть и есть!

– В лесу, что ли? Так там же никто не живет?

– Еще как живет!

– На деревьях?

Девица лишь пожала плечами, глупость-де сказал, и продолжила:

– У них и села есть, и даже город крепкий в самой глухомани. Княжеские дружины туда не суются. Силой их не взять. Только попробуй – все добро сожгут, и ищи-свищи их по бескрайнему лесу.

И про город тот никто толком ничего не знает. Но рассказывают, что называется он Китеж, стоит на превысоком холме. А вокруг того холма – озеро большое. Ну, или, может быть, не озеро, а пруд, но все равно. И еще рассказывают, что жители того города новой веры не приняли, а все старую веру держат, какая была до крещения. Но это дело мутное – никто хорошо не знает, каким они там богам молятся. И правит там как раз тот самый Ворон. Они его Князем величают.

– Князем? А если киевский прознает?

– Да, князем. Киевского Ярослава Ворон не боится. Он вообще, говорят, никого не боится. Его матушка, говорят, когда на сносях была, в грозу попала. Гром громыхал, молния била. Нашли ее в саду бездыханной. Кинулись к ней домашние девки, а у нее из-под поневы полоз выползает. С руку толщиной.

Доброшка с сомнением посмотрел на свою руку.

Белка заметила это и прыснула:

– Не смейся, не с твою руку. С твою руку – это ужик безобидный. А там с толстую руку. Как у Ильи, к примеру. Длинной в пять аршин. Так вот. Полоз уполз, девки кинулись к беременной, а у нее из лона кровь так и хлещет. Думали, все: конец и матери, и приплоду. Но нет – кровь остановилась и плод созрел. Родился мальчик. Крепенький, здоровенький. Но только у отца и у маменьки волос был русый, а у мальчонки – черный, как воронье крыло. Можно было бы подумать, что мать Ворона сблудила с кем-нибудь. Но только ни в Китеже, ни в Колохолме таких черных отродясь не бывало. Вятичи родом все русые, откуда тут черным взяться? Соседи – радимичи – те вообще как лен беленый. В общем, загадка. Думали-гадали и порешили, что это сам Велес в образе змеином к матери его в сад приползал.

– И что?

– И то, что назвали его Вороном, раз черный такой. Хотя и отца его, и деда Соколами прозывали. И почитают его сыном двух отцов.

– Да нешто так бывает?

– У простых людей, может, и не бывает. А у князей и не такое бывает. Ты что, не веришь?

Доброшка нерешительно замялся. Белка напустилась на него:

– А откуда тогда у него волос черный, скажи, откуда?

Доброшке оставалось лишь пожать плечами:

– Не знаю.

– Вот то-то!! Не знаешь – не говори! Правду люди говорят – там Велес свой след оставил. Да сам посуди: и отец и дед Ворона, хоть и прозывались Соколами, а нрав имели добрый, а этого ярость его изнутри переполняет, сидеть на месте не дает. В лесу он сильнее любого воинства. Не мечом победит, так в болоте утопит. И жалость ему неведома. Сколько раз пытались его силой взять – ничего не вышло. Все, кто пытался, сгнули без следа. Говорят, старые боги ему помогают. А еще рассказывают, он с мертвыми разговаривать умеет.

Доброшка задумался, Белка продолжила шитье. Но вопросы были заданы еще не все.

– А почему его Илья братом назвал?

– Потому, что они братья и есть. Только дальнеродные. Многие о таком родстве забывают. Но для Ворона родство – самое первое дело. Когда-то давно, еще до князя Святослава Киевского, правил в этом вот самом нашем Колохолме князь. Настоящего его имени никто уже не помнит, осталось одно лишь прозвище, которым его люди наградили, – Ясный Сокол. Так вот и Илья, и Ворон от этого Сокола род свой и ведут.

– Так Илья – князь?

– Ну какой же он князь? Ты разве сам не знаешь, Илья – воевода. Хотя это, конечно, как посмотреть. Не князь, но мог бы им быть, если бы мир совсем другим был. Если бы Киева не было и киевских князей с их тысячными дружинами. Когда Святослав Киевский места наши завоевал, дед Ильи, брат старший, к нему в дружину подался. О княжеском достоинстве, конечно, пришлось забыть. Князь в Киеве мог быть только один. Когда Илью в Колохолм воеводой определили, никто в Киеве и не вспомнил, что его предки из этих мест. Кстати, раз я теперь Илье вроде как дочка, значит, и я, если подумать, – княжна.

– Ох уж княжна, – делано усмехнулся Доброшка, а про себя подумал: «Точно!»

Между тем Белка продолжала, не обращая внимания на его колкость. Она умела вести себя так, будто она единственная на этом свете умница-разумница.

– Так, стало быть, дед Ильи – в Киев, а дед Ворона, брат младший, в леса ушел и от прав своих родовых отступать не захотел. Так его потомки в лесу и живут. При прежних воеводах Ворон колохолмцам ни года спокойно пожить не давал. Но когда узнал, что брат его в городе воеводой, – перестал донимать. Но другая напасть появилась.

– Какая? И почему нам, дружинникам, никто ничего такого не рассказывал?

– Да потому и не рассказывал, что не твоего это, отрок, ума дело. На то ты и отрок, а не думный муж. Твое дело – дозор нести и с башни зорко смотреть.

Доброшка уже готов был обидеться, и это тут же, конечно, отразилось на его лице. Белка заметила, соскочила с лавки, подошла к нему, взяла его за руку, заглянула в глаза:

– Да я же объясняю, почему тебе твой сотник об этом не рассказал, а я-то расскажу!

Доброшка тут же передумал обижаться. За ласковый взгляд он готов был простить все что угодно.

Белка снова уселась на лавку, вдела в иголку новую красную нить и принялась рассказывать дальше:

– Захотел Ворон Илью на свою сторону переманить.

– Вот как?! И что?!

– И то: отказался Илья. Сказал, что он князю киевскому верность обещал и даже ради брата от обещания отступить не может.

– А сегодня чего ему нужно было?

Но ответить Белка не успела, проем двери закрыла громада – вошел воевода Илья.

Иже

Было ранее утро, когда на горизонте показалась земля. Восточный берег Балтики – топкая равнина. Ни гор, ни холмов. Береговая линия стелилась тонкой зеленой полоской вдоль синей кромки моря. Над морем кружили чайки.

Архимед вышел из каюты. Харальд в кожаном колете стоял у руля. Вид его был озабоченным.

– Мы достигли предела, что будем делать дальше?

– Как что? Доставлю тебя к твоим землякам норманнам и пушусь странствовать дальше. Мир велик, может быть, найдется такое место на земле, где человека, изобретающего крылья, не сбрасывают со скалы.

– Ты, Архимед, что-то в философском настроении сегодня проснулся, – усмехнулся норвежец, – ты мне другое скажи. Мои земляки, как ты их называешь, «норманны», обретаются в эту пору самое близкое в Новгороде. А до Новгорода даже на драккаре – несколько дней пути. Без драккара же путь может затянуться на месяц или, что скорее всего, вовсе закончится плачевно. Эти места населены финнами. Когда корабль викингов идет по Неве, финны лишь молча взирают с берегов. Но если я пушусь один на лодке, то они будут вести себя совсем иначе. Думаю, им есть за что не любить норвежцев.

– Тогда давай поплывем вместе. Я с удовольствием доставлю тебя куда скажешь.

– Тоже не вариант: хоть местность здесь почти равнинная, но течение в Неве мощное. Нужна вся сила гребцов, чтобы продвигаться вверх. Твоя деревянная команда, как выяснилось, годится даже для войны и смогла бы напугать финнов, но вот как заставить пугал грести, не придумал даже ты.

– А вот и ошибаешься, я придумал!

– Неужто? – После виденных на греческом корабле чудес Харальд готов был поверить всему. Ему даже успела вообразиться дружная компания деревянных носатых викингов, налегающих на весла.

– Да, придумал, но, увы, проект пока не реализован. Нужно много хорошего железа и искусный кузнец. Там принцип совсем другой: паровая энергия, колесо, я еще не продумал тонкостей, но...

– А, ну понятно, – прервал его Харальд, – значит, все-таки пока деревянные куклы грести не могут. А плыть-то мне нужно именно сейчас!

– Тогда делать нечего, нужно здесь норвежцев ждать, попутного корабля.

– Да уж, дождешься тут, может, норвежцев, а может, еще чего веселого... Места тут небезопасные.

Но делать было нечего, на том и порешили. Корабль был поставлен на якорь. Грек углубился в чтение мудреной книги, извлеченной им на белый свет из корабельного сундука, а викинг занялся детской забавой – закинул удочку и сел, свесив ноги с борта. Сколько им предстояло так провести времени?

Харальд надеялся, что удача наконец повернется к нему лицом и старые ли родительские боги, или новый греческий бог пошлют ему попутный боевой норвежский корабль под командованием какого-нибудь дружественного ярла или хевдинга. Для привлечения удачи у него на груди висели сразу два амулета: серебряный молоточек Тора, семейная реликвия, доставшаяся ему от дяди, и золотой греческий крестик.

Правда, большой надежды ни на молоточек, ни на крестик не было. Дядя, прежний владелец оберега, прожил жизнь не очень-то счастливую и погиб хоть и с мечом, но без особого толку. А крестик был им найден в сундуке, в котором с давних пор хранилось добро, награбленное одним из его отважных прадедов в византийском городе. Сохраняет ли крестик, добы-

тый таким образом, свои свойства, Харальд не знал. Судя по всей его прежней жизни – не особо. А впрочем, на судьбу было жаловаться все-таки грех. Все его товарищи стали кормом для рыб, а он вот сидит живой и здоровый. И скоро какая-нибудь глупая рыбешка, для которой кусочек хлебного мякиша покажется аппетитней погибшего викинга, сама станет добавкой к его обеду.

Солнце между тем неуклонно поднималось к зениту. Харальд смотрел на поплавок, периодически, однако, не забывая окидывать взором морской горизонт. Дул легкий теплый ветерок, дромон мерно покачивался, горизонт был пуст, стихли чайки, слышно было, как Архимед переворачивает страницы толстенной книги.

Неторопливые мысли об оберехах, о дяде, о стародавних викингах и собственной судьбе медленно перешли в дрему.

Сколько продолжался его сон, сам Харальд сказать бы не смог. Зато пробуждение было ярким. Руки, по-прежнему державшие удочку, почувствовали поклевку. Инстинктивно потянув снасть, рыболов-мечтатель проснулся, но вместо ожидаемой крупной и аппетитной рыбины увидел высывающуюся из-за борта крупную, но совсем не аппетитную физиономию. Ругнувшись от неожиданности, Харальд, не рассуждая, коротким резким движением ударил сапогом прямо по страшной роже и уже через долю мгновения крепко стоял на ногах, а в руке его был зажат двухвершковый скрамасакс. Военная выучка не подвела. Еще бы немного – и сам конунг оказался бы за бортом.

Раздался громкий всплеск. Харальд перегнулся через борт и увидел, что свалившийся в воду человек погрузился было с головой, но тут же вынырнул и с огромной скоростью поплыл в сторону небольшой лодки, которая покачивалась на волнах в двадцати сажнях от корабля.

Норвежец метнулся в поисках лука, но вспомнил, что все оружие спрятано в рундуках под палубой, понял, что все равно не успеет, и только досадливо стукнул кулаком по резным перильцам. Шпион ушел.

Звук удара и всплеск привлекли наконец и внимание с головой ушедшего в чтение Архимеда:

– Что случилось, Харальд, ты упустил крупную рыбу?

– Да уж, немелкая была рыбешка. Сейчас она поплывет, позовет еще десяток-другой таких же крупных, и нам – конец.

– Что ты такое говоришь, викинг, ты перегрелся на солнышке?

– Нет, не перегрелся. Архимед, я удивляюсь, как ты проделал такой длинный путь при твоей невнимательности. У нас в гостях побывал финский прознатчик, а ты едва оторвался от книги!

Лицо ученого вытянулось:

– Финны? Что им нужно?

– Как – что? То же, что и всем иным, – добычи! В обычное время они промышляют мирным рыболовным промыслом, но если на рейде стоит корабль, в команде которого всего два человека, то почему бы не попытаться удачи?

– Ты зря беспокоишься, конунг, у нас есть греческий огонь. Ты помнишь, как хорошо это грозное оружие показало себя в битве с твоим драккаром?

– Я-то помню, мог бы и не напоминать лишний раз. Но битва, которая нам предстоит, будет совсем иного рода. У финнов нет больших кораблей. Буквально через полчаса нас облепит десяток-другой мелких лодчонок. Удар греческого огня сможет накрыть разом три или четыре лодки. Но это нам не поможет, поскольку в это же самое время еще десять или двадцать лодочек атакуют нас с разных сторон. Тут не помогут ни огонь, ни твои чудесные механические арбалеты.

– И что же делать?

– А что делают настоящие викинги в такой ситуации?

– Сражаются?

– Убегают. Нужно быстро ставить парус и молиться, чтобы ветер стал посвежее. Быть может, нам удастся ускользнуть в открытое море. Далеко за нами они не пойдут.

Однако ветер, который до этого момента дул едва-едва, совсем стих. Паруса бессильно повисли. Грек и норвежец стояли на борту и напряженно смотрели в сторону берега.

Предчувствие не обмануло конунга. Дюжина мелких точек отделились от плоского берега и медленно, но поползли к кораблю. Уже через четверть часа можно было различить одетых в льняные рубахи и незамысловатые кожаные доспехи светловолосых финнов. Они были вооружены большей частью луками и копьями. У некоторых, видимо лучших воинов, были боевые топоры и даже мечи.

На дромоне готовились к обороне. Сифон, при помощи которого пускали «греческий огонь», был заправлен горючей смесью. Архимед объяснил Харальду действие аппарата, но все-таки для стрельбы огнеметом нужен был опыт, и поэтому за пультом остался грек. На установленных вдоль бортов арбалетах были взведены тетивы и вложены тяжелые болты, которые били в два раза дальше и в три раза сильнее, чем любой самый сильный лучник. Часть арбалетов Архимед зарядил огненными хлопушками, надеясь для начала поугадать нападавших, не причиняя им особенного вреда. Авось передумают искать легкой добычи.

Харальд тоже готовился: помахивал в воздухе своим мечом. Меч был непростой. Имя ему было Легбиттер. О нем рассказывали, что он был выкован когда-то самим Велундом и закален в крови горного дракона. Так оно было или нет, конунг не задумывался. Главное, меч не раз выручал его в трудных ситуациях. При стычках с другими, менее завидными, клинками Легбиттер неизменно выходил победителем. На его счету только при жизни Харальда было несколько перерубленных мечей. С той же легкостью он перерубал и пущенную по ветру пушинку.

Вряд ли финский вождь предложит ему равный поединок. Не тот случай. Но ощущение тяжести привычного оружия в руке придавало уверенности. Конунг стоял на корме в бойцовой стойке, пружинисто раскачиваясь с ноги на ногу и покручивая в руках Легбиттер. Казалось, замысловатые узоры на клинке в лучах солнца начинают светиться изнутри.

Между тем финны приближались. С одной из лодок, шедших в авангарде, была пущена первая стрела. Стрелок, как видно, был неплох. Описав высокую дугу, стрела устремилась напрямик в голову конунгу. Но тот заметил летящую на него смерть и легким привычным движением отбил. Звякнув о клинок, наконечник булькнул в воду.

Начало было положено. Вслед за первой в воздух взмыли вторая, третья, пятая, десятая стрелы. На конунга обрушился целый ливень финских стрел.

Викинги считали луки оружием трусов, поэтому лучников среди них было немного. Совсем обойтись без луков они не могли. Были и свои мастера этого дела, но все-таки главным оружием викинга всегда оставались меч и топор.

Финны не знали этого предрассудка. Ни морская качка, ни палящее полуденное солнце, ни туман, ни ветер, которого, к слову, не было, не могли им в этом деле помешать. Харальд отбил мечом еще шесть-семь стрел и понял, что эта игра становится опасной. Служить безответной мишенью – не дело на войне. Прикрываясь щитом, в который тут же вонзились три финские стрелы, он спрятался за фальшбортом. При всем его воинском великолепии толку от него пока не было никакого.

Главная работа предстояла Архимеду, который совсем не воинственно сторбился над рычагами.

– Харальд, – грек говорил, не разгибаясь, – смотри за лодками: как только первые подойдут на расстояние выстрела, скажешь. Попробуем их пугануть. Есть у меня забавные штуки из Чинской империи.

Харальд осторожно выглянул из своего укрытия:

– Раньше нужно было пугать. Теперь только бить.
– Посмотрим, ты, главное, дай знак.
– Хорошо. Готовься, уже подходят. Можешь на счет «три» запускать свои машины. Раз... два... ТРИ!

Финны увидели удивительную картину: весь корабль засиял огнями, и прямо на них понеслись крутящиеся и рассыпающие искры клубки огня, которые с диким воем пролетали над головами, взрывались в воздухе и с шипением гасли в воде.

Однако фокусы, которые неизменно повергали в панику темпераментных и впечатлительных южан, на сей раз не подействовали. Поначалу финны в самом деле испугались. Некоторые начали разворачивать лодки в сторону берега. Но природная медлительность на сей раз помогла им. Пока длилась демонстрация, они лишь вертели соломенными головами и издавали дружные вскрики, когда очередной снаряд падал в воду слишком близко к лодке.

Когда фейерверк затих, они еще долго сидели в изумлении, опустив и луки и весла. Но вот самый смысленный и быстрый из них, похоже жрец, что-то тягуче прокричал. С лодок зазвучали отклики.

– Переключку проводят, – заметил Харальд.

Скоро нападающим стало понятно, что в результате атаки шумных «огненных демонов» никто не пострадал. И они приободрились.

После недолгого затишья атака возобновилась.

Небо закрыла туча стрел. Лодки поползли с разных сторон, подходя все ближе и ближе к дромону.

Харальд снова выглянул из укрытия. Увиденное его не обрадовало:

– А не пора ли, досточтимый Архимед, перейти от фокусов к делу?

Капитан с тоской взглянул на викинга и тяжело вздохнул:

– Людей жалко!

– Себя пожалей, грек! Драккар ты сжег не задумываясь, а сейчас медлишь!

– Кто тебе сказал, что я не задумывался?

– Ну ладно, не время спорить. Если ты хочешь сдаться финнам, не стоило оставлять меня в живых!

И греческий мудрец решился: в гущу нападавших ударили тяжелые арбалетные болты. Послышались вскрики. Но большая часть снарядов лишь взрыла балтийские волны. Оранжевый всполох греческого огня взвился тугой змеей и нанес немного больший урон. По морю растеклись лужи чадящего пламени, несколько лодок охватил пожар. Но в целом события развивались именно так, как предсказал Харальд. Лодки бросились врассыпную, а затем, перегруппировавшись, снова принялись подбираться к кораблю. На сей раз гораздо быстрее.

Когда первый смельчак забрался с топором наперевес на палубу, Харальд даже обрадовался: наконец-то дело. Свистнула сталь, брызнула кровь – голова финна покатила по палубе. Светло-голубые глаза по инерции последние мгновения изумленно взирали на закрутившийся вокруг мир. Тело повалилось за борт.

За первым последовал второй, замахнувшийся топором. Удар топора пришелся туда, где мгновение назад сверкал шлем норвежского конунга. Топор впился в доски палубы. Но финн этого уже не увидел: боль в распоротом животе разорвала сознание. Солнце в глазах воина померкло еще до того, как выпотрошенное тело коснулось воды.

Однако финны все карабкались и карабкались на борт дромона. Краем глаза Харальд видел, что Архимед бросил свои рычаги и размахивает мечом, греческим, судя по всему. Было, однако, понятно, что проку в этом деле от него немного.

Харальд не был берсерком, но сейчас, в критическую минуту, что-то дикое, звериное проснулось в его душе. Медвежий рык раздался на морем. Легбиттер вонзался в тела врагов,

палуба сделалась скользкой от крови. Финны отхлынули. Ожидая повторения атаки, Харальд стоял посреди корабля, выписывая мечом восьмерки и круги.

Но вождь финского воинства смекнул, что зря губит своих людей. Снова зазвучала команда, лодки отошли от бортов корабля. Несколько самых метких лучников взяли Харальда на прицел.

И

В горницу вошел хмурый Илья. Доброшка и Белка уставились на него вопросительно. Заметив их взгляд, Илья усмехнулся:

– Хороша парочка: ягненок да ярочка. Секретничаете?!

Доброшка запунцовел, «ягненком» он себя не считал, но с воеводой не поспоришь. А «ярочка» отвечала по-взрослому, как ни в чем не бывало:

– Секретничаем.

Илья опустил на лавку, зачерпнул ковшиком квасу из бочонка, поставил перед собой, но так и не отпил. Белка угадала, какая дума висит тяжким камнем на душе воеводы:

– Что решил с Вороном делать?

– Да вот не знаю. Упорный он, от своего не отступит. Нужно в Киев это чертово око везти. Пусть с киевским князем и разбирается.

– А не жалко?

– Да чего тут жалеть! Камень – он и есть камень. Ни сытости от него, ни тепла.

– А ведь говорят, удачу он приносит?

– Ну, не знаю. Не видел пока никакой особенной удачи от него. Головная боль одна.

– А кто повезет?

– Хочешь, ты повези. Киев-то ни разу не видела – посмотришь заодно. Вот и телохранитель у тебя есть – вместе поедете.

Доброшка за время всей беседы не проронил ни слова. С Белкой он готов был ехать хоть на край света и везти не просто чертово око, но всего черта целиком, вместе с чадами и домочадцами, но все-таки спросил:

– А что за «око» такое? Чертово?

– Да, наш священник отец Петр так его и называет. Крестится и плюется, как увидит. Раньше называли «Оком Перуна». А вообще измарагд это размером с куриное яйцо. Окован золотом. В былые времена его князья колохолмские, те, что из радимичей, на шею надевали по праздничным дням. Это вроде как знак был княжеский. А другой такой же был у соседнего князя. Так вот, как нагрянет на землю какая беда, оба города соберутся на Лысой горе, где изваяние Перуна стояло, и молятся ему. Меды варят, жертвы приносят. Былые молитвы не в пример нынешним веселее были. И песни пели, и хороводы водили, ну и с красными девицами, видать, без удержу любились. В общем, веселье. И чтобы Перун все это буйство видел, ему оба измарагда вместо глаз вставляли. Считалось, что, пока Перун двумя очами взирает, не случится с вятичами никакого горя.

Только всей этой истории конец пришел, когда Святослав нашу землю завоевал. Не спас Перун. Да и с какой стати спасать – Святослав же ему тоже кланялся, греческой веры не принимал. Видимо, его жертвы были обильней. Пропал камень. Думали, навсегда. Но вот три года тому назад принялись рыть новый погреб на том месте, где когда-то княжеские палаты стояли, и нашли кубышку. А в кубышке той монеты серебряные из стран полуденных, несколько перстней и гривна с этим самым «Оком». Красоты необыкновенной!

Положили в церковную ризницу. Думали, там сохранней будет. Но Ворон узнал – и началось...

– Требуется отдать?

– Это было бы полбеды.

– Чего же ему надо?

– Понимаешь, требует он, чтобы я это «Око», будь оно неладно, сам на шее носил!

– Зачем?

– Ох, сложно объяснить.

В разговор вмешалась Белка:

– Я ему все рассказала, он поймет.

Сначала Илья посмотрел на девчущку укоризненно, но потом махнул рукой и продолжил, обращаясь к Доброшке:

– Ворон упорно называет меня князем, а не воеводой. Стыдит, что я род свой предал. Того не понимает, лесной житель, что как только я эту гривну надену, так всему нашему мирному житью тотчас придет конец. Киевскому князю пока не до нас. Но если узнает, что деды мои здесь на княжеском столе сидели, что я в лесу вольницу развел, что стоит город посереде озера, который ни дани не платит, ни десятины церковной, то сам можешь догадаться, что будет.

– А что будет?

– А ничего этого не будет. Пришлет князь войско сотни три кметей. И останется от Китежа мокрое место. Да и колохолмцам на орехи перепадет. Бывало уж такое. Отец нынешнего князя киевского Ярослава Владимир на радимичей войско посылал. Волчий Хвост воеводу звали. Туго тогда пришлось сородичам нашим. Тоже храбрились: нипочем де нам князь киевский. Вышли на битву. Да куда там против киевской дружины! Кияне-то все на конях, да мечи у них, да кольчуги у каждого. А радимичи пошли с дедовскими рогатинами, будто не на рать, а на охоту. Победил их тогда Волчий Хвост на реке Пищане. Бежали радимичи с поля боя и рогатины свои побросали. Сколько уж времени прошло с тех пор, а как кто из радимичей в Киев на торг приедет, так наторгует с гулькин нос, а наслушается с чертов воз: «Радимичи Хвоста Волчьего боятся». Как-то, рассказывали мне в Киеве, поехал купец из радимичей. Так его на торгу до того засмеяли, что бросил весь свой товар, вышел посереде торговой площади, ударил шапкой оземь и всех насмешников на смертный бой вызвал. Хоть поодиночке, хоть вместе всех. А здоров, говорили, купец был, как дуб столетний, – поболе меня.

– И что?

– Не вышел никто.

– И смеяться перестали?

– Еще чего. Стоит один раз ославить – потом вовек не отмоешься. Мальчишки свистят, улюлюкают. Погонялся он за ними, как молодой бычок за воробьями, – не догнал, да и плюнул.

– Ну что за печаль? Пусть смеются. На каждый роток не накинешь платок.

– Да смех-то не печаль. Пусть, в самом деле, хоть животики надорвут. Печаль в другом: в той битве чуть не половина мужей у вятичей полегла. Оставили жен без мужей, детей без отцов и матерей без сыновей. А чего ради? Чем князь киевский хуже хазар? Жили бы да и жили себе.

– Так, может, отдать его Ворону, пусть сам носит?

– Да и отдал бы, зачем он мне нужен? Но отец Петр этого, мягко говоря, не одобрит. Ведь церковное теперь добро. Причем большой ценности. А воевода его вдруг лесному разбойнику отдаст? Хоть батюшка наш человек и неплохой, но таких поступков понять не сможет. Возмутится, дойдет дело до митрополита, а там и до князя. Тот, когда узнает, кто кому и зачем измарагд отдал, осерчает. И пришлет войско. То есть, как ни поступи, хорошего не жди. А ты говоришь: удача... Как ни посмотри, а Око это – как торба без ручки: и нести не с руки, и выбросить жаль.

– Да я и не говорю. Это Белка.

Илья наконец отхлебнул квас.

– Да какая разница? По всему выходит, нужно в Киев везти. Так что давайте, собирайтесь.

Сборы были недолгие. Илья самолично отобрал двадцать дружинников для охраны. Были снаряжены две крытые повозки. Драгоценность была упрятана в дубовый ларец.

И уже через три дня утром, помолившись, отряд двинулся в путь. У ворот дружину провожали жены и дети. Мужья уходили не на войну, поэтому тревоги в людях не было. Но некоторое волнение все-таки витало. Дорога предстояла дальняя, а дальняя дорога – это всегда

непросто. Некоторые женщины утирали платочками глаза. Детки просили отцов привезти им из Киева гостинцев.

Доспехи сначала было сложили в повозки. Однако, как только отряд отъехал на приличное расстояние от города и оказался под сводами темного елового леса, командир отряда Ян приказал остановиться и вздеть кольчуги.

– Илья наказал. Дорога нам предстоит опасная, а пугать зря жен и детишек не стоило.

Первые несколько дней дорога шла через лес. Ехали весело. В отряде царила та особая атмосфера, которая складывается среди мужчин, находящихся в условиях настоящей опасности. Современному человеку редко удастся прочувствовать, как это бывает. Разве только на настоящей войне или в опасной экспедиции. Именно на войне, а не просто во время армейской службы. Сегодня ты отвесил пинка зазевавшемуся салаге, а завтра он не прикроет твою спину от вражеской сабли. Самонадеянный хам недолго проживет в опасных условиях, поскольку сила человека именно во взаимопомощи.

Так жили наши предки, каждый из них всю жизнь от раннего отрочества до немощной старости проводил с оружием. Пусть даже это был простой топор, одинаково годный и для рубки дров, и для защиты родного дома. Война была всегда и повсюду. В таких условиях своими не разбрасываются, поскольку всегда найдутся чужие, которые этим воспользуются. Молодые дружинники приняли Доброшку как своего, а Белке оказывали особое внимание, как единственной в отряде красной девице. Доброшка наблюдал за этим с ревностью. Он пытался и сам включиться в игру. То цветочков Белке сорвет, то ягодок лесных. Но все-таки было понятно, что в хороводе обожателей он не самая заметная фигура. Ростом он был маловат, в плечах узковат и в седле держался не так молодежато, как двадцатилетние удалые кмети.

Конечно, большая часть дружинников относились к этому коллективному ухаживанию шутейно. Но было и одно исключение. Сын колохолмского попа – Алеша, на диво статный и красивый юноша. Доброшка рядом с ним выглядел как воробей рядом с соколом.

На первый взгляд, поведение поповича не сильно выделялось. Он, опустив поводья, ехал за кибиткой, перекидывался с девушкой шуточками, развлекал ее историями, дарил сорванные у дороги цветы, заставлял коня гарцевать, а потом вдруг пускал вскачь. Казалось, Белка общается с Алешей ровно так же, как с другими, но пронизательным взглядом влюбленного Доброшка видел зарождающуюся между ними взаимную симпатию. Когда юный богатырь ехал за повозкой, «телохранитель» не знал, куда себя деть.

Сначала пытался пристроиться рядом, включиться в разговор и разбить их уединенность. Его принимали как друга, но все-таки, несмотря на благожелательное отношение, Доброшка остро чувствовал, как он им мешает. И тогда он стал держаться в конце отряда. Полон тяжелых мыслей, одиноко переживал свою жизненную неудачу.

Отдохновением были вечерние привалы. Ян как старший и самый опытный воин (ему уже перевалило за тридцать лет!) выбирал место. Обычно это была поляна где-нибудь на всхолмлении. Младших отроков отряжали за дровами, старших расставляли в караул. Потом устанавливали шатры, разводили костер. В большом котле варилась похлебка из проса с салом. Раздавали сухари. Когда кашевар объявлял, что похлебка готова, каждый по старшинству подходил со своей миской и ложкой. Незамысловатая еда казалась после дня в седле удивительно вкусной.

После ужина свободные от караула дружинники садились вокруг костра. На почетное место усаживали Белку. Доброшка старался держаться подальше, чтобы свет костра не падал на лицо. Так можно было вдоволь любоваться предметом воздыханий, не вызывая насмешек и шутивого сочувствия.

Обычно начиналось все с того, что все просили Яна рассказать какой-нибудь случай из его богатой военными приключениями жизни. Тот долго отнекивался, но потом неизменно соглашался. Истории Яна были и страшными, и интересными. Как он от печенегов в озере

прятался, о том, как они волхвов в новгородской земле гоняли. Много всего удивительного. И всегда выходило так, что бывалый Ян оказывался и хитрей, и сноровистей своих врагов. А те, вначале сильные и страшные, в конце оказывались или простофилями, или прямо дураками.

Доброшка слушал и думал, что он когда-нибудь станет таким: бывалым, ироничным. Тогда не придется таиться вдали от огня.

Вдоволь наслушавшись историй Яна, народ обращался к Алеше. Историй он тоже знал немало. Только это были истории совсем иного рода. Все они были про любовные дела и заканчивались либо негданной беременностью, либо дракой. Доброшка сначала недоумевал: как это такой глупый похабник мог понравиться Белке? Но как-то раз, на четвертую ночевку, вместо баек Алеша взял в руки лютню. Его просили спеть. И он спел. Песня была старая, грустная. Тоже про любовь. Но совсем не про такую, о которой были прежние байки: про погибшего воина и ждущую его девушку. И пел он ее так, что душу щемило. Все притихли.

Доброшка подумал, что глубоко заблуждался по поводу поповича. Он, должно быть, просто прикидывался вертопрахом. А на самом деле обладает глубокой, прекрасной душой. И, конечно же, гораздо лучше его самого, гораздо лучше подходил Белке, о таком женихе для нее он как друг должен был только мечтать, и далее все в таком же самомучительном духе до тех пор, пока песня не кончилась.

Музыкант отложил лютню и рассказал препохабнейшую байку о том, как охочая баба мечтала отдаться быку. Это стало причиной нового замешательства. Доброшка глянул на Белку – ей байка понравилась: она смеялась. Не разрешая себе плохо подумать о своей возлюбленной, Доброшка решил для себя, что, в общем-то, неважно, каков на самом деле Алеша. Главное – Белке нравится именно он. И с этим решительно ничего нельзя поделать.

Придя к такому заключению, Доброшка решил отправиться спать. И в этот самый момент из тьмы леса просвистела стрела и ударила в лютню. Лютня разлетелась вдребезги.

Как

Обагранный своей и вражеской кровью Харальд-конунг стоял под прицелом финских стрел на палубе дромона. Высоко в бездонном небе над ним парила прекрасная валькирия. Она ждала, когда настанет черед славнейшему воину отправиться на пир к Одину, где ему было уготовлено место среди лучших.

Харальд ее не видел. Он был жив, хотя, конечно, почти условно жив. Стрелки уже мысленно прочертили линии, по которым ринутся на врага их стрелы. Десятки стальных наконечников уже видели себя вонзающимися в человеческую плоть.

Но вдруг валькирия с немыслимой высоты оглянулась в ту сторону, куда постепенно опускалось закатное солнце, и, улыбнувшись, растаяла в воздухе.

Внизу пока ничего видно не было, но над морем раздался низкий трубный глас. Так могло бы реветь титаническое морское чудовище. Однако о чудовище никто не подумал. И финнам, и викингу хорошо известен был этот звук: голос огромного деревянного лура, сигнальной трубы. Как раз такая была на корабле Харальда.

К месту битвы стремительно приближался драккар. Финские лодки как сдуло. Так осенний ураган уносит палую листву.

Харальду было почти все равно. Противник поменялся – что ж, он будет сражаться дальше, пока есть силы. Меч очертил в воздухе восьмерку. Воин развернулся в направлении новой опасности.

Харальд не поверил своим глазам. Он узнал бы этот корабль и из тысячи. Это был его, его драккар!

И тут из глубокой раны на правом боку вылилась та последняя капля крови, благодаря которой конунг еще держался на ногах. Он упал навзничь.

Перед глазами открылось необыкновенно глубокое синее небо, в величавом спокойствии плыли облака, летала чайка. Валькирии не было.

– Значит, еще не время, – прошептал Харальд и потерял сознание.

Забывье продолжалось гораздо дольше, чем в прошлый раз. Битва забрала у конунга слишком много сил, слишком много крови. Слишком удивителен был ее финал.

Забывье продолжалось дольше, зато пробуждение от него было для израненного викинга гораздо приятней. Первое, что увидел Харальд, когда открыл глаза, были склонившиеся над ним улыбающееся лицо старого друга Эйнара и озабоченное – Архимеда.

– Силен ты спать, Харальд, – усмехнулся хевдинг.

– Вот, попей-ка отвар. – Грек протянул плошку с ароматной жидкостью.

– Опять хочешь, чтобы я превратился в медузу?

– Смотрите-ка, он уже шутит! Ты теперь и так как медуза.

– Значит, скоро оклемается.

– Да, пусть пока поваляется. Шутка ли – один против целого войска.

– Да, герой...

Харальд отпил из плошки. И снова погрузился в забывье. Точнее, это было уже не забывье, а сон. Почти здоровый.

Следующее пробуждение произошло тогда, когда дромон в сопровождении драккара вошел в устье Невы. Конунг смог уже сесть. Теперь ему хотелось расспросить: как получилось, что полыхающий драккар воскрес, как птица Феникс из пепла?

– Эйнар, – позвал Харальд, – помоги мне подняться на палубу.

– Лежал бы пока еще. Архимед говорит, рана еще не зажила.

– Да мне бы воздуха свежего глотнуть да на небо посмотреть. Я будто всю жизнь в этой конуре сижу.

– Прошла всего неделя.

– Как неделя? Но за неделю можно было пройти всю Балтику!

– За неделю можно много чего сделать, и мы сделали. Давай, в самом деле, я тебя подниму наверх – посмотришь.

Первое, что увидел конунг, когда вышел на палубу дромона, были улыбающиеся лица дружинников. Его верные товарищи сидели рядами на свежеструганых скамейках и занимались своим привычным делом – гребли. Они шумно приветствовали своего вождя. Но откуда на дромоне взялись весла? Оказалось, после бурной встречи капитаны стали обсуждать план дальнейших действий.

Эйнар-хевдинг собирался забрать Харальда и продолжить путь в Гарды, то есть на Русь. Но Архимед воспротивился. Он заявил, что оставить раненого без лечебной помощи в таком состоянии равнозначно тому, чтобы убить его. По его словам, должно было пройти не меньше месяца, чтобы конунга можно было без особой опасности перенести с дромона на драккар. Ждать целый месяц Эйнар не мог. До Киева было еще далеко, и он намеревался добраться туда до холодов. Архимед был бы не прочь совершить путешествие вместе с викингами – любознательность его не знала пределов. Но возникала проблема чисто технического свойства – греческий корабль мог ходить только под парусом.

Решение, впрочем, нашлось довольно быстро. Если нужны весла, так нужно их сделать! В принципе, обычный византийский дромон – это парусно-гребное судно. Модель, сконструированная Архимедом, не предполагала весел, но в целом-то они были вполне уместны.

Корабли были отведены в тихую бухту, и норвежцы под руководством своего хевдинга и византийца занялась переделкой. Получилось отлично. Дромон Архимеда был небольшим и вполне мог приводиться в движение шестью парами гребцов. Таким образом, даже сильно уменьшившийся после памятной битвы отряд Харальда мог обслуживать оба корабля.

Конунг вдохнул свежий ветер, в котором запах моря переплетался с лесными запахами, доносившимися с близкого уже берега.

– Эйнар, как тебе удалось спасти корабль?

– Да, в общем, чудом. На наше счастье, если помнишь, мы шли на веслах. Парус был спущен и не пострадал от огня. Мы вовремя догадались накрыть пламя, и оно задохнулось.

– Единственно правильное решение, – отозвался Архимед. – Ни водой, ни даже песком этот огонь не затушить.

– Конечно, – продолжал старый Эйнар, – все сильно обуглилось. Мачта устояла, но поднимать парус мы не решились. Шли на веслах. Поэтому догнали вас не сразу. Мы жаждали отомстить за тебя, Харальд.

Между тем маленькая флотилия вошла в Неву. Течение усилилось. Дружине приходилось налегать на весла. Работа предстояла трудная.

Пройдя Невские пороги, флотилия вошла в Ладожское озеро, которое в те времена называлось озером Нево. Безграничным простором и волнами озеро почти не отличается от моря, но вода в нем пресная. С направлением движения было сложно. Если Балтику Харальд знал как свои пять пальцев, то в запутанном озерном и речном пути в столицу Ярицлейва-конунга было не обойтись без провожатого. Да и запасы провизии нуждались в пополнении. Решено было найти селение и попытаться запастись там всем необходимым.

– Вести себя тихо, людей не обижать, – напутствовал конунг своих норвежцев, – нам в этой стране жить какое-то время. А то знаю я вас, головорезов. Чтобы мирно! Нам главное – получить службу. Тогда все будет.

Драккар двигался вдоль береговой линии, дромон следовал за ним на некотором отдалении.

Наконец среди берегового леса Эйнар заметил дымки. Корабли были поставлены на якорь. На воду спустили ялик, и Харальд, Эйнар и Архимед в сопровождении шести викингов высадились на поросший травкой берег.

Небольшой поселок, стоявший на возвышенности шагах в двухстах от берега, был, судя по всему, рыбацким. На берегу лежало несколько плоскодонок, на жердях сушились сети. Жили его обитатели небогато: ветхие избы и несколько полуземлянок с крышами из дерна. Прямо тут же, у поселка, был разбит небольшой огородик, за которым виднелось хлебное поле. Людей видно не было. То ли отправились на промысел, то ли попрятались, завидев грозный драккар и вооруженных людей. Харальд совсем было отчаялся найти в поселке живую душу, как вдруг заприметил человека, спящего на завалинке землянки. Рядом с ним дремал огромный мохнатый пес.

– Посмотри, Эйнар, день, а этот русский спит как сурок.

– По-моему, он просто выпил меда, и выпил досыта – вот, смотри, пустой жбан. – Эйнар подтолкнул посудину носком сапога.

Пес приподнял голову и, едва обнажив клыки, зарычал. Но рык у него вышел какой-то совсем ленивый. А его хозяин и вовсе не пошевелился – продолжал спать.

– Вот поселок, повезло нам! Нет ни души, и единственный живой человек – какой-то пьяный лодырь.

– Что это еще за свинья меня попрекает? – произнес человек на чистейшем норвежском, разлепляя глаза. – Иди-ка ты в Хельхейм, сам лодырь!

Запах, который шел от него, не оставлял ни малейшего сомнения в справедливости предположения, высказанного хевдингом.

– Оказывается, славянский язык похож на наш, удивительное дело, Эйнар! – воскликнул конунг.

– Что-то я в этом сомневаюсь, – заметил Архимед. – Я знаю болгарский, это славянский язык. У него с норвежским мало общего. Быть может, этот ммм... нетрезвый человек выучил ваш язык, как сделал это я?

– Что-то я сомневаюсь, этот лодырь не похож на ученого.

– Хватит уже обзывать меня лодырем, проходимцы! – Местный наконец сел и мутными глазами посмотрел на путников. Собака тоже уселась и принялась что есть силы выкусывать блох.

– Хорошо, – ответил Харальд, – скажи, откуда ты знаешь норвежский и куда девались все люди?

– Не слишком ли ты много спрашиваешь для гостя?

– Я же не спрашиваю, не слишком ли ты пьян.

– Пьян? Да, пьян. Но разве на пиру у Одина воины трезвее?

– Я пока не знаю, крепки ли напитки у конунга конунгов, но надеюсь узнать. А если ты и дальше будешь отвечать в том же духе, то буквально вот сейчас отправишься в Хельхейм, туда, откуда возврата нет и куда ты только что посылал меня. Там пива не подают!

Харальд выразительно потер гарду меча.

– Ла-а-адно, – примирительно протянул быстро трезвеющий незнакомец. – Сегодня я в самом деле нехорошо себя чувствую и не могу предложить тебе честного поединка. Поэтому отвечаю по порядку.

Язык его еще слегка заплетался, но в целом незнакомец после демонстрации меча выглядел приободрившимся.

– Норвежский я знаю потому, что ему меня выучили моя мать и мой отец. У нас в Нурлане других языков не знают.

– Так ты норвежец?

– Да. Меня зовут Улоф, местные переделали мое имя и кличут *Уло́вом*, что означает «добыча рыбака». А я и не против. Рыбак я, кстати, неплохой.

– И немного хвастун, так? Где люди?

– Да люди-то все по делам разошлись. Кто на охоту, что за рыбой уплыл.

– А чего же ты тут валяешься?

– Должен же кто-то в поселке остаться, а то мало ли какой норвежский конунг забредет...

Ты ведь конунг, я правильно догадался?

– Правильно.

– О да, славного конунга сразу по повадке видать.

– Сам-то ты как тут очутился? И почему одет как славянин?

– О, это давняя история. Я ходил на драккарах Эйрика-ярла, сына Хакона Могучего.

– Но Эйрик-ярл умер давно.

– Так это и было давно. Я был совсем молод. Эйрик грабил Ладогу, а я попался в плен.

С тех пор и живу тут.

– А почему не вернулся назад?

– Да зачем? Мне и тут было неплохо. Ходил с купцами за товаром. Семью завел. Потом жена меня выгнала. Купцы тоже перестали нанимать.

– Почему?

– Видишь ли, у меня было мало шансов попасть на пир к Одину, а владычица Хель, как ты правильно заметил, не нальет мне. Вот я и решил насытиться, пока по этому свету хожу.

Чего ждать-то?

– И то правда.

– Тут вот на старости лет прижился. Люди добрые – жалко им меня стало. Даже вот домик пустующий выделили. Потом пес этот ко мне прибил. Славный пес. Я назвал его *Дружок*, что на местном языке значит «Маленький друг».

– Не очень-то он у тебя маленький. Размером почти с теленка.

– Да, теперь он стал взрослым, вымахал. А сначала был таким маленьким кусочком меха. Ничего, еды всем хватает. Я местных жителей нашим хитростям нурландским выучил. Рыба-то, она везде рыба. Хоть в Нурланде, хоть здесь. Там, конечно, и повкусней была, и пожирней, а тут речная – не такая вкусная. Но тоже, если нажарить, да с пивом...

– Вкусно рассказываешь.

– Эйнар, – обратился Харальд к хевдингу, – нам этого Улофа сам бог послал. Он знает местность и покажет нам дорогу.

– А с чего это ты взял, конунг, что я с тобой поеду? Мне и тут неплохо живется.

– Поверь, Улоф, у меня тебе будет житья не хуже.

Старый рыбак вскинул голову, встряхнулся, расправил плечи и, махнув рукой, решительно встал:

– Ладно. Ох, как давно я не слышал родной норвежской речи! Я ведь на самом деле викинг хоть куда. Обожди-ка минутку.

Улоф вскочил и метнулся в землянку. Несколько минут оттуда доносился грохот и смесь самых страшных русских и норвежских ругательств. Потом показалась довольная физиономия бывшего викинга. На голове его красовался ржавый шлем, а в руках был боевой топор.

– Ну вот, славный конунг, твой отряд пополнился бравым уроженцем Нурланда. Как тебя зовут-то?

– Харальд Сигурдссон.

– Отлично! Я снова в строю.

– Я рад, Улоф. Мне нужны смелые воины. Но не сможешь ли ты для начала пополнить наши запасы провизии?

– О, не проблема! Я все устрою.

Когда вечером обитатели поселка вернулись домой, тревоги их не было предела. Грозные боевые суда, стоявшие у берега, и вооруженные люди, расхаживавшие между домов, не сулили ничего хорошего. Однако деваться некуда, не убежать же от родного дома.

Первым к конунгу подошел седобородый староста, опиравшийся на посох.

– Будь здоров, воевода. Судя по всему, ты в этом отряде наибольший. Надеюсь, вы пришли с миром. Вижу, вам мое приглашение не особенно нужно, но все-таки приглашаю быть у нас гостем и принять угощение.

Харальд принял как можно более торжественный вид и показал, что он не только мечом махать горазд, но и речи произносить умеет по-королевски. Харальд говорил, а Улоф переводил.

– Досточтимый староста сего прекрасного селения, я, Харальд-конунг, вождь дружины храбрых викингов, пришел на твою землю с добром. Мы пришли как гости и надеемся на твое гостеприимство. В знак добрых намерений прими от нас в подарок серебряную гривну и этот прекрасный боевой топор.

Староста не менее торжественно поклонился и держал ответную речь, по которой было видно, что хоть правил он всего лишь маленьким поселком, но мог бы с тем же успехом править и целой страной.

Вечером был устроен пир. Команда драккара и дромона высадилась на берег, оставив на борту часовых. Сначала мужчины рыбацкого поселка смотрели на них с некоторым недоверием, и в их лицах читалась готовность в случае чего схватиться за топоры и вилы. Но морские волки вели себя смирно. Достаточно было беглого взгляда, чтобы понять, что грабить в поселке совершенно нечего. Под большим вопросом была сама возможность пира. Тридцать шесть здоровых мужчин могли уничтожить запасы хозяев на год вперед. Но тут всех выручил сын старейшины, сумевший добыть двух кабанов.

Мясо для пира было обеспечено. Кабаны туши жарились на вертелах, меды разливались по глиняным кружкам. После первых здравниц лед был сломан и общение пошло более свободно.

Была, конечно, еще одна опасность. За время долгого путешествия норвежцы изголодались по женской ласке. Во избежание конфликтов жены, девушки и девочки были отведены в специальное укрытие в лесу. Укрытие было обустроено на случай всякой опасности, пришедшей с воды. Найти дорогу к нему мог только знающий человек. Остались только женщины, потерявшие мужей и готовые угостить заезжих молодцов не только жареной свининой. Пусть это не покажется читателю странным. Нравы в те далекие времена еще были весьма свободными. Освежить родовую кровь с помощью достойного человека считалось вполне нормальным делом. Норвежцы были как на подбор дюжие хлопцы. Спустя девять месяцев жители поселка вспоминали о них с улыбками: на свет появилось несколько голубоглазых младенцев, которых тут же прозвали мурмашами. Многие под этими прозвищами прожили всю жизнь.

Наутро после пира Харальд еще раз одарил радушных хозяев подарками. В доброй встрече ему виделся удачный знак. Видя, что рыбаки почти полностью опустошили свои запасы, он постарался возместить им их затраты.

Погрузились на корабль. Улоф плакал, когда его ноги коснулись палубы драккара. Он тут же занял скамью справа по борту и взялся за весло:

– Таким было когда-то мое место на драккаре Эйрика. Славный конунг, дозвожь, это будет мое место, будто и не было этих тридцати лет?

– Драккар принадлежит мне, но место принадлежит тому, кто на нем сидит. Спрашивай у хозяина.

Хозяином оказался тот самый молодой лучник Улоф, который точным ударом повредил механизм дромона. Он с легкостью уступил свое место тезке:

– Место это привыкло к тому, что на нем сидит Улоф, ему не придется отвыкать. А я рад уступить старшему товарищу. Хотелось бы мне в его годы иметь такую же твердую руку и веселый нрав.

Люди

Лютня разлетелась вдребезги. Кто стрелял – не было видно. Глаза, привыкшие к яркому свету костра, отказывались различать что-либо в глубокой черноте леса. Неведомый противник мог перебить всех как зайцев. Со всех сторон лагеря были выставлены дозоры. Судя по тому, что врагу удалось подойти так близко, дозорных уже не было в живых.

Но Илья не зря подбирал дружину. Секунду назад молодые парни смеялись над историями, слушали песню и сами подпевали. И вот в одно мгновение было разобрано оружие, костер залит. По команде Яна трое ринулись в лес, в направлении, откуда прилетела стрела, пятеро окружили возок с драгоценным ларцом, еще двое, в их числе и Алеша, подхватили Белку и укрыли щитами.

Лагерь оцетинился и приготовился к битве. Доброшка сначала кинулся было к Белке, но, увидев, что у нее есть защита помощней, резко остановился. Смешно, конечно, мешаться под ногами двух настоящих воинов, выполняющих приказ. Тут еще, пожалуй, помешаешь.

Мгновенно пришла мысль кинуться в самую гущу битвы, совершить геройский поступок. «Может, хоть всплакнет...» – подумалось понятно о ком. Но битвы, собственно, пока не было. Тогда Доброшка напролом бросился вслед за теми дружинниками, которые были посланы Яном. Он бежал по темному лесу, ветки хлестали по лицу, ноги цеплялись за корни. В руке сжимал топорик.

Бросаясь в лес, мальчишка ожидал немедленной рубки и, возможно, смерти. Но ветки хлестали, корни – цеплялись, а никого не было. Странно. Пришлось остановиться и прислушаться – вокруг было тихо. Дальше Доброшка пошел медленнее, раздвигая сосновые ветви руками.

Вдруг среди деревьев мелькнул огонек. Кто бы это мог быть посередь дремучего леса, вдали от жилья? Живой человек или нечистая сила? И не скажешь точно, что теперь страшнее.

В былые времена Доброшка не колеблясь предпочел бы упырям и навьям живых людей. Но в сложившейся ситуации на это можно было посмотреть иначе: вдруг это и есть логово таинственного врага? Попадешься – точно конец. Тут никакие обереги и заговоры уже не спасут: хоть через левое плечо плюй, хоть через правое. Однако решимость, которая толкнула дружинного отрока в лес, даже после сумасшедшего бега не рассеялась.

Нужно во что бы то ни стало выяснить, кто там прячется за деревьями! Было страшно, но страх действовал странным образом. Так бывает, когда стоишь на высокой скале и какой-то гадкий бес подзуживает: «Прыгни, прыгни». Настроение у Доброшки сейчас было такое, что, окажись он на скале, он бы, может, прыгнул. И пропал за просто так. Но в лесу перед злодейским логовом отчаянье помогло преодолеть предательскую робость, и Доброшка сделал шаг вперед: не получилось сразиться, так хоть разузнать что-нибудь... Он прыгнул и, стараясь не шуметь, пошел в сторону огня. Его бил озноб, но это не от страха, а от ночного холода.

Через четверть часа удалось сквозь деревья разглядеть небольшой костер. Над огнем висел котелок, в нем булькала каша, рядом были разложены пожитки. Никого не было. К дереву был привязан конь. Почувяв чужака, конь всхрапнул. Доброшка не стал подходить ближе, залег и стал наблюдать.

Довольно скоро из леса вышел человек. На спине его висел лук, одет он был в длинный плащ с большим капюшоном. Капюшон полностью закрывал его лицо. Однако фигура этого человека показалась смутно знакомой.

Незнакомец неторопливо снял лук, отстегнул массивный боевой нож, висевший на поясе. Вздыхнул, уселся у костра и принялся помешивать кашу. Чем дольше Доброшка смотрел, тем неприятней становилось ощущение. В очередной раз забеспокоился конь – чуял запах. И тут юного дознагчика прошиб холодный пот. Он узнал... Это был Бурушка – конь Ильи. Да и

фигура таинственного стрелка не зря казалась знакомой. Сомнений не оставалось. Такой статью обладал лишь один человек – колохолмский воевода.

От неожиданности Доброшка дернулся. Под ним хрустнула сухая ветка. На звук человек у костра обернулся, с его головы упал капюшон. Отблеск костра осветил лицо.

Да, это был Илья. Как он попал сюда, что он здесь делал? Зачем стрелял из темноты? Мысли вихрем летели в голове, а ноги сами несли прочь от опасного места. За спиной затрещал бурелом. Мысль о погоне будто подожгла Доброшке пятки. Обрато он бежал вдвое быстрее.

Прибежав к своим, Доброшка принялся разыскивать Яна. Взбудораженный лагерь потихоньку успокаивался. Вой, посланные в лес, давно вернулись, никого, понятно, не обнаружив. Дозорные оказались целы и здоровы. Были удивлены разразившимся переполохом. Ян был в дурном настроении. Он злобно рычал на подчиненных, расставляя усиленные караулы.

Доброшка бросился к нему.

– Стрелял Илья!

Командир воззрился на него как на говорящую лягушку.

– Стрелял Илья!

– Илья Пророк? – По интонации Яна не было понятно, шутит он или впрямь подозревает небесного деятеля в том, что тот пустил стрелу из леса в домру.

– Нет, наш Илья, из Колохолма!

– Ты в своем уме, малец? Где мы и где Колохолм? Воевода наш, конечно, сильный муж и преисполнен воинских доблестей, но даже ему не под силу стрелять на сотни верст.

– Да нет, он в лесу, кашу варит!

– Кто?

– Илья!

– Какой Илья?

– Из Колохолма!

– И кашу варит из Колохолма? – Ян нахмурился, окликнул проходившего мимо дружинника: – Эй, Нежка, отведи-ка паренька в шатер, налей простокваши и уложи спать. С перепугу умом тронулся. Ерунду мелет.

Нежка глянул участливо, мягко взял взволнованного мальчишку под руку и впрямь собрался увести.

Доброшка вырвал руку и заорал вовсе непочтительно прямо в лицо Яну:

– Командир, ты не понимаешь? В нас стрелял воевода Илья! Ты думаешь, он в Колохолме, а он в лесу прячется в версте от нашего лагеря! Я его своими глазами видел!

Ян кивнул дружиннику:

– Иди.

Сел на поваленное бревно, пристроил рядом меч в ножнах, посадил рядом Доброшку и велел рассказать все по порядку. Когда рассказ был закончен, некоторое время сидел молча.

– И что ты, отрок, предлагаешь?

– Я? Что я могу предложить, я не знаю...

– Давай вместе подумаем. Предположим, тебе не показалось.

– Мне не показалось!

– Ладно, я же сказал, предположим. Что же делать?

– Нужно пойти и найти его! И спросить, зачем...

– Одного человека в бескрайнем лесу? – перебил Ян. – Если это действительно Илья, то, будь у нас даже вдесятеро больше человек, найти его будет никак не возможно, если он сам этого не захочет. Так?

– Так.

– А какая перед нами стоит задача?

– Довезти ларец с Перуновым Оком до Киева.

– Верно. Предположим, в лесу был воевода Илья, или даже Илья-пророк, или черт с рогами, или сам Перун за Оком своим пришел, это нашу задачу как-то меняет?

– Нет.

– Вот так-то. Поэтому мы усилим караулы и поедем дальше. Таков приказ, а приказы нужно выполнять. Так?

– Так. – Доброшка вздохнул.

– А раз так, то вот тебе приказ. Иди в шатер и спи. И о виденном или пригрезившемся тебе никому не слова. Не хватало нам еще разговоров... Помни, что ты – отрок. А отроки на то и отроками зовутся, что молчат, пока их старшие не спросят.

– Понял?

– Понял.

– А раз понял – ступай.

Доброшка поплелся в шатер. Несмотря на тяжелые мысли и пережитое волнение (а быть может, благодаря ему), заснул он практически мгновенно. Только голова коснулась баула с вещами, заменявшего ему подушку, как он провалился в глубочайший сон.

Снился ему сидящий перед костром Илья. Воевода недобро смотрел на него и грозил пальцем. Потом снилась Белка, скачущая по изумрудному лугу на белой кобылице. Потом из туч выплыл грозный лик Перуна. Один глаз его грозно сиял, а другой был пуст. Древний бог хмурил серебряные брови и был удивительно похож на воеводу Илью. Доброшка хотел спросить громовержца о многом: откуда бывает молния, правда ли, что у него есть золотая колесница, правда ли, что древние боги боятся креста, и много еще что. Но Перун приложил к своим золотым усам палец: молчи-де – и простер над отроком свою могучую руку. Рука закрыла полнеба, опустилась Доброшке на плечо и принялась трясти. С небес громом прозвучал голос:

– Вставай, засоня, вставай, завтрак проспийшь.

Доброшка проснулся. За плечо его тряс, конечно, не Перун, а вчерашний его знакомый Нежка.

Выбравшись из шатра, Доброшка увидел, что сквозь утренний туман уже пробивается яркое солнце, щебечут лесные птицы, воздух наполнен летними ароматами, и ничего в лагере не напоминает о вчерашней неприятности.

Сборы прошли обычным порядком, и после плотного завтрака отряд тронулся в путь. Местность изменилась. Дремучий лес остался позади. Перед отрядом простиралась холмистая равнина. Дорога шла через светлые перелески. Где-то там, в трех или четырех переходах, должна была быть река Днепр, по которой отряд на двух лодьях спустится до самого Киева.

Земли стали более обжитыми. Стали попадаться деревеньки. Проезжая, покупали у местных квас и пиво. Вечером можно было запить сытный ужин хорошей чаркой. В лесу стол разнообразили дичиной. Для охоты Ян обычно отряжал двух-трех человек, и к вечеру на костре жарилась туша кабана или оленина, кусками нанизанная на прутья.

Теперь такой вольности позволить было нельзя. На пути попадались боярские усадьбы, окруженные мощными частоколами и башнями. Некоторые из них были больше Колохолма и Летославля, вместе взятых. За незаконную охоту в боярских владениях можно было здорово поплатиться. Поэтому Ян разрешал охотиться только с луками на гусей и уток. Мясо приходилось покупать у местных, платя серебром или специально для этого припасенными беличьими шкурками.

В малолюдном медвежьем углу, какими были берега Летоши, этого добра было навалом. Каждый мальчишка с детства умел добыть белку. Ближе к Днепру, куда иногда заглядывали иноземные торговые гости, этот товар ценили куда как выше. Купцы собирали шкурки и везли их в жаркие южные страны, где за них платили уже не серебром, а золотом. Доброшка ехал и думал, что было бы неплохо запасти в окрестностях родного Летославля белок и поехать

торговать ими в дальние страны самому, не уступая барышей хитрым иноземцам. А в самом деле, что мешает?

Мыслете

Ворон возвращался от своей бабки в подавленном настроении. Впрочем, так было почти всегда. Ворон не любил эти визиты, но деваться было некуда. Существенной долей уважения, которое оказывали ему жители Китежа, он был обязан своей грозной бабке. Она воспитывала его, раннего сироту, в почти невозможном сочетании любви и ненависти. Под строгим наблюдением сухой костистой старухи он проводил дни, натирая руки и набивая шишки деревянным мечом на широком бабкином дворе. Когда ему стукнуло 10 лет, в Китеж зашел беглый монах, которого приютили в городе, хранившем старую веру, но в качестве оплаты заставили выучить юного княжича чтению и письму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.